

**Экокритический анализ книги С.А. Алексиевич
«Чернобыльская молитва: хроника будущего»**

Юрий Сеппяляйнен
Университет г. Тампере
Институт современных языков, переводоведения и литературоведения
Русский язык и культура
Дипломная работа
Май 2016

Tampereen yliopisto
Venäjän kieli ja kulttuuri
Kieli-, käännös- ja kirjallisuustieteiden yksikkö

SEPPÄLÄINEN, JURI: Ekokrititšeskij analiz knigi S.A. Aleksijevitš Tšernobylskaja molitva: hronika buduštšego / Svetlana Aleksijevitšin Tšernobylistä nousee rukous -kirjan ekokriittinen analyysi

Pro Gradu -tutkielma, 57 sivua
Toukokuu 2016

Tutkielmassa tarkastellaan Svetlana Aleksijevitšin Tšernobylistä nousee rukous -haastatteluromaanin ekokriittisestä näkökulmasta. Kyseinen teos perustuu Tšernobylin ydinvoimalaonnettomuuden uhrien haastatteluihin. Aleksijevitšin kirjallista tuotantoa ja erityisesti Tšernobylistä nousee rukous -romaanin on jo tutkittu jonkin verran. Varsinkin teoksen genre on kiinnostanut tutkijoita. Ekokriittikin avulla sitä ei kuitenkaan vielä analysoitu.

Työn tavoitteena on selvittää, miten luonnon ja ihmisen suhde representoituu Aleksijevitšin haastatteluromaanissa. Työssä on kaksi tutkimuskysymystä. Mitä haastateltavat muistavat, kun kertovat Tšernobylin katastrofista? Miten he kuvaavat luontoa muistoissaan?

Tutkielma koostuu johdannosta, teoriaosiosista, analyysiosiosista ja johtopäätöksistä. Teoriaosiossa esittelen tutkimuskohteen, sen kirjoittajan ja genren. Esittelen teoreettisessa osassa myös ekokriittikin ja venäläisen luonnonfilosofian. Koska ekokriittikki tutkii ihmisen ja luonnon suhdetta kulttuurissa, sopii se varsin hyvin työn teoreettiseksi pohjaksi. Ekokriittikit esimerkiksi tutkivat, miten luontoa kuvataan kulttuurissa ja miten se vaikuttaa ihmisen luontosuhteeseen. Analyysiosiossa käytän ekokriittikko Greg Garardin suuria metaforia tekstin analysoimiseen. Nämä metaforat tarkoittavat erilaisia tapoja kertoa luonnosta. Niiden avulla löydän tekstistä luontoon liittyvät merkitykset. Koska Tšernobylistä nousee rukous -teos on useiden tutkijoiden mukaan polyfoninen eli moniääninen romaani, käytän myös Mihail Bahtinin dialogiteoriaa teoksen äänien analysoimisessa.

Analyysi osoitti, että Tšernobylistä nousee rukous -kirjan kertojilla on usein tunnepitoinen suhde luontoon. Esimerkiksi radioaktiivisten saasteiden takia muuttunut veden väri herätti kertojissa voimakasta pelon tunnetta. Ympäristökatastrofin aikana ihmiset tunsivat sääliä eläimiä kohtaan ja samaistuivat eläimiin. Teoksen äänet, jotka käyvät kirjassa dialogia erilaisilla tasoilla esimerkiksi venäläisen kulttuurin tai historian kanssa, syyttävät neuvostojärjestelmää niin ateismista kuin huonosta eläinten kohtelustakin. Mielenkiintoista oli huomata, että teoksen vanhuksilla on animistinen maailmankuva. Tämä kävi ilmi heidän pakanallisista rituaaleistaan. Vanhukset elävät harmoniassa luonnon kanssa ja kunnioittavat sitä. Teoksessa ympäristökatastrofia verrataan usein sotaan ja etsitään katastrofin syytä uskonnosta. Tällaisissa kertomuksissa taas on hyvin vähän tilaa luonnolle.

Avainsanat: Svetlana Aleksijevitš, Tšernobylistä nousee rukous, ekokriittikki, Tšernobyli.

Содержание

1. Введение	3
1.1. Ход работы	4
1.2. Культурно-исторический контекст работы	5
2. Творчество С.А. Алексиевич и материал исследования	9
2.1. Светлана Александровна Алексиевич	9
2.2. «Чернобыльская молитва: хроника будущего»	11
2.3. Жанр «Чернобыльской молитвы»	14
3. Теоретическая основа работы	18
3.1. Что такое экокритика?	18
3.2. Чувство природы	21
4. Анализ материала	25
4.1. «Крупные метафоры» экокритики	25
4.2. «Крупные метафоры» в «Чернобыльской молитве»	27
4.2.1. Метафоры апокалипсиса и загрязнения	27
4.2.2. Метафора «животные»	29
4.2.3. Метафора «жизнь на лоне природы»	32
4.2.4. Метафора «пастораль»	35
4.3. Диалогическая теория М.М. Бахтина	36
4.4. Разные «голоса» «Чернобыльской молитвы»	38
4.4.1. «Голос войны»	39
4.4.2. «Голос религии»	43
4.4.3. «Голос сострадания»	45
4.4.4. «Голос эксперта»	46
4.4.5. «Голос автора»	48
5. Заключение	51
Список источников	54

1. Введение

Авария на Чернобыльской АЭС (26.4.1986) стала одной из самых больших техногенных катастроф в истории. Последствия взрыва атомного реактора электростанции на территории СССР были катастрофическими. Авария повлекла за собой множество человеческих жертв, загрязнила природу и сильно ударила по экономике страны.

В наше время идут острые споры о необходимости инвестирования в атомную энергетику. В этих спорах противники использования атома нередко вспоминают чернобыльскую катастрофу. Следовательно, тема Чернобыля будет всегда актуальна, пока человечество не откажется от атомной энергии. Помимо критиков «мирного атома», чернобыльская катастрофа интересна также писателям. Одно из известнейших произведений о ней – «Чернобыльская молитва: хроника будущего», написанное Светланой Алексиевич.

Настоящая работа посвящена экокритическому анализу «Чернобыльской молитвы». Данное произведение основывается на интервью людей, которые были связаны с чернобыльской катастрофой. Тема нашей дипломной работы возникла из нашего критического отношения к атомной энергетике и интереса как к чернобыльской аварии, так и к личности автора Светлане Алексиевич. Её книги вызывают живое обсуждение, а сама она уже неоднократно была кандидатом на получение Нобелевской премии по литературе, и, наконец, получила её в 2015 году. Все произведения писательницы основываются на интервью. Она даёт людям самим рассказывать о себе и о своём времени и этим вызывает интерес не только у простых читателей, но и у исследователей литературы.

Цель нашей работы – рассмотреть, как природа и взаимоотношение человека с ней репрезентируются в «Чернобыльской молитве». Мы предполагаем, что разговоры на тему чернобыльской катастрофы вызывают у её очевидцев много эмоций и размышлений. Люди, например, могут винить общество за допущение техногенной катастрофы и признаваться после аварии в пересмотре собственных взглядов на связь человека с естественным миром. Таким образом, нашей задачей является выяснить, как

и что люди рассказывают о катастрофе. Что они вспоминают? Как в их воспоминаниях изображается природа?

Взаимоотношение человека и природы в культуре изучает экокритика, поэтому для анализа книги мы выбираем экокритический подход. Нашим основным методом будут так называемые «крупные метафоры», предложенные литературоведом Греггом Гаррардом для экокритического чтения литературы. С их помощью мы будем искать в тексте значения, связанные с природой.

1.1. Ход работы

Наша работа состоит из введения, двух теоретических глав, анализа и заключения. Перед теоретической частью мы рассмотрим культурно-исторический контекст чернобыльской аварии. Это, по нашему мнению, поможет нам лучше понять взгляды людей, опрошенных Алексиевич. Лишь после рассмотрения культурно-исторического контекста чернобыльской аварии мы расскажем о материале исследования и представим теоретическую базу нашей работы.

Во второй главе мы сначала представим Светлану Алексиевич, автора книги «Чернобыльская молитва: хроника будущего» и саму книгу. После этого мы постараемся определить жанр, в котором пишет писательница. При обсуждении этого аспекта для нас особенно актуальным будет понятие «полифония», введенное в литературоведение Михаилом Бахтиным.

В третьей главе мы сначала представим выбранный нами подход для изучения книги Алексиевич, экокритику. Для представления этого теоретического концепта мы будем использовать главным образом работу Пиппы Мэрлэнд «Eco criticism» (2013). Затем мы расскажем о русской традиции изучения природы в литературе. Тут мы будем использовать в качестве теоретических источников работы Л.В. Гурленовой (1999, 2001) и других российских исследователей. Темой этих работ является понятие «чувство природы», связанное с философией природы.

Аналитическая часть работы будет разделена на разделы, связанные с понятиями «крупные метафоры» и «голос». Данные понятия являются инструментами нашего анализа. В первых двух разделах мы расскажем о метафорах Грегга Гаррарда и проанализируем «Чернобыльскую молитву» с их помощью, чтобы найти в тексте

значения, которые связаны с природой. В следующих разделах мы рассмотрим второй метод нашей работы и также проанализируем с помощью него книгу. Тут мы снова обратимся к теориям М.М. Бахтина и рассмотрим полифонию, то есть многоголосие книги. Нами будет построена классификация голосов «Чернобыльской молитвы» и проанализирована их связь с природой на разных уровнях диалогов, которые они ведут.

1.2. Культурно-исторический контекст работы

В настоящем разделе будет рассматриваться история катастрофы на Чернобыльской АЭС. Нас интересуют не столько технические детали аварии, сколько контекст, в котором она произошла. Рассказчики «Чернобыльской молитвы» много говорят, например, о науке и технологии, поэтому мы хотим узнать, какое отношение было к этим явлениям в Советском Союзе и как оно изменилось после Чернобыля. Ответив на эти вопросы, мы можем лучше понять мнения героев анализируемой нами книги.

Причиной взрыва реактора стали многочисленные человеческие ошибки во время запланированного эксперимента. При испытании были отключены некоторые системы безопасности и понижена мощность электростанции. Персонал был плохо знаком с недостатками реактора станции, что привело к ряду ошибок во время эксперимента. Вину за аварию чиновники списали на операторов чернобыльской АЭС. Однако нельзя считать виноватым исключительно персонал станции, потому что вся система безопасности советской атомной энергетики имела серьёзные недостатки. Взорвавшийся реактор был реактором большой мощности канального типа (РБМК), разработанным в СССР. По мировым стандартам, такие реакторы не отличаются своей безопасностью. В режиме малой мощности они становятся нестабильными. Кроме нестабильности, регламент эксплуатации реактора был довольно сложным. Несмотря на эти недостатки, РБМК строились в Советском союзе. Строительство Чернобыльской АЭС началось в 1970 году. В 1977 году станция была введена в эксплуатацию. Для многих людей атомные электростанции были «безопасными, надёжными и несомненными символами технологического прогресса». (перевод наш. – Ю.С.) (Josephson et al. 2013: 259-261.) Вероятно, так думали и рабочие Чернобыльской АЭС: они просто не верили, что с реактором может что-то случиться даже во время испытаний.

Успех СССР в освоение космоса в конце 1950-х и в начале 1960-х укрепил веру людей в то, что «страна стала ближе к достижению коммунизма» (перевод наш. – Ю.С.) Наука и созданные на её основе технологии играли важную роль в советской пропаганде: с их помощью народу доказывали превосходство социалистической системы над капиталистической. Особенно часто таким приёмом пользовались во времена Сталина. (Josephson et al. 2013: 141, 143). То есть вера людей в науку и вера коммунистическую идеологию были органически связаны с друг другом.

В Советском Союзе человека ставили выше природы. Технологический прогресс и успех в космической гонке, безусловно, мог сильно подкреплять такое представление о мире. Взаимоотношения людей с окружающей природной средой – один из частых мотивов в литературе разных стран. Ф. Штильмарк рассматривает эту тему в своей статье «Эволюция представлений об охране природы в советской литературе» (1992). Согласно автору, в 1920-е и 1930-е годы «идеи всеобщей реконструкции – и природы, и общества! – слившись с мифами о преодолении сегодняшних трудностей во имя светлого будущего, идеи социального прометейства поистине овладели народом и увлекли многих советских писателей». Тема борьбы человека с природой стала очень важной в литературе социалистического реализма. Согласно советской экономической доктрине, природу нужно было использовать на благо людей. В послевоенные годы «пафос покорения природы..., соединившись с культом вождя», как пишет Штильмарк, «достиг апогея». После смерти Сталина в 1953 году пафос борьбы с природой угас, но снова возродился в 1970-е годы. Во время реформ Горбачёва, начатых в середине 80-х, экологическое движение достигло некоторых успехов благодаря политике гласности. Тогда были сняты цензурные ограничения с материалов о загрязнении окружающей среды. В качестве примера успеха экологического движения Штильмарк приводит официальный отказ государства от поворота северных рек на юг, что было достигнуто многолетними усилиями учёных и писателей. (Штильмарк 1992, www.)

Какими были последствия катастрофы на Чернобыльской АЭС? В результате аварии значительному радиоактивному загрязнению подверглось 140 400 км² земель. В Украине было заражено 37 600 км², в Беларуси – 43 500 км², в России – 59 300 км². Затраты на эвакуацию населения, выплаты компенсаций ликвидаторам и беженцам, а также сооружение бетонного «саркофага» вокруг реактора были огромными. Кроме этого, заражению подверглись лучшие пахотные земли Беларуси, что тоже сильно

сказалось на экономике СССР и, в частности, на экономике самой белорусской республики. Чернобыльская катастрофа сильно повлияла на здоровье населения загрязнённых территорий – возросло количество раковых заболеваний. (Josephson et al. 2013: 263-267.)

Чернобыль не является единственной в мире техногенной катастрофой крупного масштаба. Однако, в отличие от других катастроф, чернобыльская авария также имеет и мощное символическое значение. Как полагают некоторые эксперты, Чернобыль является даже одной из причин развала СССР. Катастрофа символизирует крах технологии и провал советской власти в условиях кризиса. Советская система защиты от атомных и термоядерных аварий попросту оказалась не готова к катастрофе на Чернобыльской АЭС. В населённых пунктах, находящихся рядом со станцией, даже не было нужных медикаментов и оборудования на случай аварии. Так как катастрофа произошла уже во времена гласности, люди ждали от государственных учреждений открытости, но чиновники пытались скрывать информацию. (Josephson et al. 2013: 258-259, 264, 268.) Такие вещи, конечно, подрывали авторитет власти и веру в науку, которую советская пропаганда восхваляла как символ превосходства СССР над другими странами. Критика прежних идеалов и переосмысление истории сильно заметны во многих рассказах «Чернобыльской молитвы».

Согласно Штильмарку (1992, www), катастрофа на Чернобыльской АЭС вызвала множество публикаций (А. Адамович, Ю. Щербак и др.). В 1990 году вышла книга «В судьбе природы – наша судьба», в которой собраны написанные советскими писателями статьи об экологических проблемах. Некоторые из этих статей рассказывают о чернобыльской катастрофе и критикуют атомную энергетику. В. Яковенко, например, рассказывает о том, что с некоторых загрязнённых территорий не выселяли людей, чтобы удержать там рабочую силу. По мнению автора, переселение людей стоило бы дешевле, чем выплата компенсаций за инвалидность, вызванную радиоактивным загрязнением. (Яковенко 1990: 449.)

Будущее ядерной энергетики всё ещё неясно. В Российской Федерации атомная промышленность была реконструирована. В масс-медиа вновь зазвучали нотки атомного (ядерного) энтузиазма, характерные для 1970-х и 1980-х годов. В России была разработана программа, согласно которой до 2030 года должно быть построено более 100 новых реакторов. Российская государственная корпорация по атомной

энергии «РОСАТОМ» полностью поддерживает интернациональные стандарты по ядерной безопасности. Однако проблемы, оставленные в наследство советской атомной энергетикой в виде десятков тонн радиоактивных отходов и Чернобыля, ещё предстоит решить. (Josephson et al. 2013: 268.)

Итак, авария в Чернобыле произошла в советскую эпоху, когда пропаганда внушала народу идею всемогущества человека и восхваляла созданную им науку. Чернобыльская катастрофа вызвала много критики ядерной энергии. В частности, использование мирного атома сильно критиковалось советскими писателями. Авария сильно ударила по экономике страны и доверию народа к власти. Пошатнулась в какой-то мере и вера народа в советскую науку. Однако это не привело к полному отказу от ядерной энергетике или хотя бы к постепенному уменьшению атомных реакторов и развитию других отраслей энергетике.

2. Творчество С.А. Алексиевич и материал исследования

В данной главе будут представлены краткая биография Светланы Александровны Алексиевич и её произведение «Чернобыльская молитва: хроника будущего». После представления писательницы мы рассмотрим жанровые особенности её произведений, так как это будет нужным для дальнейшего анализа. Алексиевич пишет свои книги, следуя выбранному ею литературно-художественному принципу и используя для этого свой журналистский опыт. Мы считаем, что ознакомление с жанровыми особенностями творчества является важным, потому что произведения писательницы состоят из множества разных «голосов». В аналитической части настоящей работы мы будем анализировать диалогические связи этих «голосов».

2.1. Светлана Александровна Алексиевич

Светлана Александровна Алексиевич родилась 31 мая 1948 года в семье военнослужащего в городе Станислав (ныне – Ивано-Франковск, Украина). Однако писательница прожила большую часть жизни в Белоруссии, куда переехала её семья после демобилизации отца. После окончания школы для поступления в университет на факультет журналистики, согласно требованиям, Алексиевич набирала трудовой стаж, работая корреспондентом в одной из районных газет Гомельской области. В 1967 году она стала студенткой БГУ и в 1972 окончила учёбу.

После получения журналистского образования Алексиевич работала в районной газете Брестской области и одновременно преподавала в средней школе. Со временем стала заниматься только журналистикой. Сначала Алексиевич взяли на работу в Минск в редакцию республиканской «Сельской газеты», потом она работала корреспондентом и заведующей отделом очерка и публицистики литературно-художественного журнала «Неман». Полученный журналистский опыт был очень полезен при сборе материала для будущих произведений Алексиевич, но к данной теме мы вернёмся позже.

Работая в «Немане», журналистка Алексиевич заинтересовалась литературным попранием. По её словам, на выбор в пользу литературы повлияло также творчество Алеся Адамовича, который писал прозу, научные статьи и публицистику на русском и белорусском языках. Участвовавшему во время Второй мировой войны в партизанском

движении Адамовичу была близка тема войны. В соавторстве с другими писателями он написал такие известные произведения, как «Я из огненной деревни», рассказывающее о белорусских партизанах, и «Блокадную книгу», темой которого является блокада Ленинграда. Данные книги основываются на большом фактическом материале – воспоминаниях, письмах и документах. Алексиевич называет Адамовича своим учителем, который помог ей найти свой литературный путь. Оба белорусских писателя писали в похожей манере. (Информационные сайты alexievich.info и litra.ru, www.)

В 1983 году Алексиевич написала первую книгу художественно-документального цикла «Голоса утопии». В произведениях данного цикла «маленький человек» сам рассказывает о себе и о времени. Согласно писательнице, она хотела бы, чтобы её книги стали летописью десятка поколений и рассказывали о жизни людей, которые складывали бы своими словами образ своего времени. Первая книга цикла под названием «У войны не женское лицо» долго не могла пройти советскую цензуру и не печаталась, но с началом перестройки вышла одновременно в нескольких журналах и издательствах. Данное произведение состоит из рассказов женщин, которые были на фронте или участвовали в подпольной деятельности во время немецкой оккупации. Следующее произведение цикла – «Цинковые мальчики» – вышло в 1989 году. Оно рассказывает о людях, которые были на войне в Афганистане. Наконец в 1997 году была напечатана книга «Чернобыльская молитва: хроника будущего». Новейшие произведения цикла «Последние свидетели. Соло для детского голоса» (2004) и «Время сэконд хэнд» (2013) вышли уже в новом тысячелетии. Первое состоит из воспоминаний людей, которые пережили Вторую мировую войну детьми, второе – из драматических исповедей советских людей. Все эти книги основываются на фактическом материале – на письмах и интервью очевидцев и участников событий. (Информационный сайт alexievich.info и «Российская газета», www.)

Творчество Алексиевич высоко оценивается критиками. В 2013 и в 2014 годах писательница считалась одним из претендентов на Нобелевскую премию по литературе. В 2015 году она, наконец, стала лауреатом. («Комсомольская правда», www.) Книги цикла «Голоса утопии» были переведены на английский, немецкий, финский и другие языки. Тем не менее произведения Алексиевич мало исследовались. Чаще всего исследователей интересует вопрос о жанре книг белорусской писательницы. В качестве примера можно привести книгу А. Адамовича «Становление жанра. О книгах Светланы Алексиевич и не только о них» (1985), работу И. Сухих

«Правды не может быть слишком много. Некоторые наблюдения над жанром» (1989), критическую статью И. Васюченко «Узнать человека. Заметки о документальной прозе» (1989). В настоящей работе мы использовали следующие научные статьи и эссе: «Чернобыльская молитва: хроника будущего С.Алексиевич. Проблема жанра» (Сону 2013), «The Problem of Narration and Reconciliation in Svetlana Aleksievich's Testimony Voices from Chernobyl'» («Проблема повествования и примирение с прошлым в произведение Алексиевич»; перевод наш. – Ю.С.) (Lindbladh 2008) и «Kolme kertomusta valkovenäläisestä nykykirjallisuudesta» («Три рассказа о современной белорусской прозе»; перевод наш. – Ю.С.) (Liiski 2009). В данных текстах тоже затрагивается вопрос о жанре книги «Чернобыльская молитва: хроника будущего», которую мы представим в следующем разделе.

2.2. «Чернобыльская молитва: хроника будущего»

Темой произведения «Чернобыльской молитва: хроника будущего» является одна из самых больших экологических катастроф XX века – авария, которая произошла на чернобыльской атомной электростанции в апреле 1986 года. Книга повествует о страданиях людей после ядерной аварии и состоит из рассказов участников и очевидцев. В «Чернобыльской молитве» автор даёт право голоса родственникам погибших от лучевой болезни пожарных и ликвидаторам, родителям больных детей и простым людям, живущим в заражённых радиацией зонах. О катастрофе рассказывают люди из разных социальных слоёв и с разными взглядами на жизнь: как учителя и учёные, так и малообразованные жители деревень, как убеждённые коммунисты, так и критики советской идеологии. Рассказы очевидцев идут в «Чернобыльской молитве» один за другим, иногда обрываются, вследствие чего право голоса переходит к следующему оратору.

Новые издания «Чернобыльской молитвы» начинаются с исторической справки об аварии, составленной по материалам белорусских интернет-газет за период времени с 2002 по 2005 год. После «исторической справки» идёт «интервью автора с самой собой», в котором Алексиевич рассказывает о своей книге. Она отвечает на вопросы «о чём эта книга» и «почему я её написала». Воспоминания очевидцев разбиты на 3 главы: «Земля мёртвых», «Венец творения» и «Восхищение печалью». В этих главах писательница представляет рассказы людей, называя их монологами. «Земля мёртвых»

рассказывает об отравленной радиацией зоне и её истории. Оттуда эвакуировали людей, но некоторые – в основном старики, прожившие там всю жизнь, – не соглашались на эвакуацию. Голоса «Земли мёртвых», как правило, являются голосами стариков, живущих в заброшенных деревнях, и самосёлов, которые переехали в зону в поисках лучшей доли. В «Венце творения» и в «Восхищение печалью» большая часть рассказчиков является людьми средних лет. Многие герои этих глав занимаются умственным трудом или находятся на руководящих должностях: преподаватели, учёные, руководители. Они высказывают свои философские суждения о природе и отношении человека к ней, а также о советской культуре и будущем. После каждой главы идут части, называемые хорами: «солдатский хор» «народный хор», «детский хор». Первый хор состоит из воспоминаний военных, ликвидаторов и черновыльских милиционеров. Во втором хоре собраны рассказы простых людей разных профессий и жён ликвидаторов. Третий хор – это воспоминания детей, пострадавших от черновыльской аварии. В книге также есть два рассказа жён, потерявших своих мужей из-за Чернобыля, под одинаковым названием «Одинокий человеческий голос». В них жёны пожарного и ликвидатора рассказывают о том, как они ухаживали за своими мужьями, которые умирали от облучения. В результате такого ухода обе женщины получили большую дозу радиации и родили потом больных детей. Первый рассказ находится в начале воспоминаний очевидцев, второй – в конце. Книга заканчивается рекламой туристических поездок в Чернобыль.

Чем отличаются главы-монологи от глав-хоров? В драматургии монолог означает длительное и непрерывное высказывание одного лица. Согласно Линдبلاد (Lindblad 2008: 49), в главах-монологах интервью представлены в полном объёме. Если Алексиевич и редактировала или вырезала что-то из интервью, то несмотря на это, рассказчики действительно долго и непрерывно высказываются почти во всех «монологах» книги. Главы, которые называются хорами, составлены из обрывков интервью. Линдبلاد (Lindblad 2008: 49) замечает, что в этих главах бывает неясно, когда один голос заканчивается и начинается другой. Термин «хор» является словом из музыкальной области, которое означает совместное звучание человеческих голосов певческого ансамбля. Вероятно, Алексиевич хотела подчеркнуть, что голоса из глав-хоров надо рассматривать как одно целое, а не по отдельности.

«Черновыльская молитва» насчитывает – в зависимости от формата книги и издания – примерно 250 страниц. Мы использовали для нашей работы издание 2013 года.

Произведение белорусской писательницы основывается более чем на 500 интервью. Алексиевич собирала и редактировала материал для своей книги почти 10 лет. (Lindbladh 2008: 46.)

Автор книги называет аварию катастрофой времени, потому что с точки зрения человеческой жизни радиационное загрязнение является вечным. В результате взрыва реактора в окружающую среду было выброшено огромное количество радиоактивных веществ. Радионуклиды, разбросанные по земле, будут жить тысячи лет. (Журнал «Огонёк», www.) Алексиевич считает, что люди, которые пережили чернобыльскую катастрофу, добывают для человечества новые знания. Жертвы Чернобыля как будто бы пережили третью мировую войну, которой ещё не было. Поэтому неслучаен подзаголовок книги – «хроника будущего». (Информационный сайт alexievich.info.)

Алексиевич считает Чернобыль «тайной», которую предстоит разгадать: «что же человек там узнал, угадал, открыл в самом себе? В своем отношении к миру? Реконструкция чувства, а не события» (Гуревич 2001, www). Иными словами, её интересовало не само событие, т.е. не детали аварии на атомной электростанции, а ощущения и чувства людей после чернобыльской катастрофы. Вероятно, именно внимание к повседневным чувствам и жизни жертв Чернобыля, а не к событию аварии, отличает произведение Алексиевич от других книг чернобыльской тематики.

«Чернобыльская молитва: хроника будущего», конечно, не является единственным литературным произведением о чернобыльской катастрофе. О данной теме написано много мемуарной и художественной литературы. В качестве примера можно привести произведение «Чернобыль. Как это было», написанное Анатолием Степановичем Дятловым (1931-1995) и межавторскую серию книг S.T.A.L.K.E.R. из жанра научной фантастики. «Чернобыльская молитва» не является и единственной книгой, основанной на таком фактическом материале как интервью. Украинский писатель Юрий Николаевич Щербак (род. 1934) написал документальную повесть «Чернобыль» (1987) примерно через год после аварии. Как и Алексиевич, он тоже использовал много документального материала. Книга Щербака основывается на интервью, документах и письмах. По ним писатель воссоздаёт детальную картину аварии, произошедшей на атомной электростанции. Щербак называет своё произведение своеобразным монтажом «документов, фактов и свидетельств очевидцев аварии». «Вот уже три года я живу и болею Чернобылем, стараюсь постичь причины аварии и ее последствия...», –

пишет Щербак в предисловии «Чернобыля». Согласно писателю, он постоянно думает о преступниках и жертвах аварии. Щербак хочет разобраться, как чернобыльская катастрофа могла быть допущена. (документальная повесть «Чернобыль», www.) В сравнении с книгой «Чернобыль» Алексиевич делает акцент на других вещах. В «Чернобыльской» молитве детали аварии не играют такой важной роли, как у Щербака.

2.3. Жанр «Чернобыльской молитвы»

Как и большинство произведений Светланы Алексиевич, «Чернобыльская молитва» основывается на сотнях интервью, собранных в течение 5 или более лет. По мнению Лиски (Liiski 2009: 328), произведения белорусской писательницы можно называть «полифоническими романами-интервью», в которых она создаёт новый литературный жанр. Данное утверждение о новизне литературного жанра требует, по-нашему мнению, некоторых разъяснений.

Полифония является музыкальным термином и означает равноправие голосов в многоголосной музыке. В литературоведение понятие «полифонический роман» было введено М.М. Бахтиным. Автор применил данный термин к творчеству Достоевского. Согласно М.М. Бахтину, голоса героев произведений Достоевского построены так же, как и голос автора в романах обычного типа. Неотъемлемой чертой литературной полифонии является то, что голос писателя не имеет преимуществ перед голосами персонажей его произведений. Романы Достоевского распадаются на ряд самостоятельных философских построений, которые могут противоречить не только друг другу, но и философским воззрениям автора. Голос писателя можно видеть либо синтезом всех идеологических голосов произведений, либо сливающимся с голосами тех или иных героев. Как считает М.М. Бахтин, Достоевский создал новый романный жанр. Противоположность полифонического романа – монологический роман, где высшее и конечное знание о мире принадлежит автору. (Бахтин 1972: 5, СЛТ, www.) В «Чернобыльской молитве» полифония, безусловно, присутствует, но данный принцип написания текстов появился в литературе, как мы видим, ещё в XIX веке. Главным отличием текстов Достоевского от произведений Алексиевич является то, что герои произведений белорусской писательницы не вымышлены, а являются настоящими людьми.

Как замечает Сону, слово «хроника» в названии книги ориентирует читателя на абсолютную достоверность и документальность текста произведения. Русскоязычная художественно-документальная проза, в контекст которой вписывается «Чернобыльская молитва», не является чем-то новым, а наоборот, ведёт свою историю уже с середины XIX века. Такая литература имеет много синонимичных терминов, таких как, например, «литература факта», «человеческий документ», «нон-фикшн». (Сону 2013.) В своей статье Сону не даёт точного определения термину «художественно-документальная проза». Мы понимаем его, прежде всего, как литературу, которая основывается на реальных событиях и имеет при этом некоторые особенности, присущие художественной литературе, например, стилистические или структурные. В документальной литературе точка зрения автора проявляется в отборе материала, его группировке и оценке событий. Отличие такой прозы от репортажа или хроники заключается в оценке событий автором и в определённом периоде времени, который отделяет автора от описываемых событий. (Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия, www.) Хроника означает запись или рассказ исторических событий. Мы согласны с Сону в том, что слово «хроника» в названии романа может придавать ему некую достоверность и документальность. Однако мы думаем, что Алексиевич хотела подчеркнуть не столько достоверность описываемых в книге событий, сколько то, что катастрофы будущего будут очень похожи на Чернобыль.

Сону называет жанр «Чернобыльской молитвы» молитвой, которая является жанром духовных текстов. Молясь, человек исповедуется перед Богом и надеется на прощение и спасение. (Сону 2013.) Согласно «Новой философской энциклопедии» (2001, www.), молитва – это не только обращение человека к Богу, но и к духам, ангелам, персонифицированным природным силам и вообще «к Высшему Существо или его посредникам». Мы, в принципе, согласны с Сону, что жанр книги можно называть и молитвой, ведь слово «молитва» присутствует и в названии произведения. Вероятно, некоторые голоса книги могут быть и не похожими на молитву, но Сону рассматривает все голоса, по нашему мнению, как одно целое.

Сама Алексиевич называет свой жанр «жанром человеческих голосов». Алесь Адамович, которого белорусская писательница считает своим учителем, долго искал точную формулировку их с Алексиевич жанра, давая ему следующие названия: «сборный роман», «роман-оратория», «роман-свидетельство», «народ сам о себе

повествующий», «эпически-хоровая проза» и т. д. (Информационный сайт alexievich.info, www). По сформулированным автором названиям видно, что такая литература включает в себе многоголосие и основывается на множестве рассказов реальных людей, а не на воображении писателя. Книги Адамовича и Алексиевич отличаются от художественной прозы документальностью, но при этом, как нам кажется, не похожи и на журналистику, потому что голоса героев почти полностью заглушают голос журналиста. Для своих книг писатели годами собирали материал, опрашивая и записывая свидетелей интересующих их событий. Так, например, в начале 1970-х Адамович вместе со своими соавторами будущей книги «Я из огненной деревни» записали более 300 воспоминаний о войне (Информационный сайт litra.ru, www). После сбора информации идёт отбор материала и составляется композиция.

Вероятно, произведения белорусской писательницы могут казаться лишь сводом монологов. На самом деле структура её произведений значит не меньше, чем сами повествования персонажей. Как считает Пааланен (Paalanen 2011:133), Алексиевич тщательно выбирала среди множества интервью материал и редактировала его для «Чернобыльской молитвы», поэтому в книге слышен и её голос.

По нашему мнению, сильной стороной полифонического романа-интервью является его документальность. Вероятно, такая документальная литература может влиять на мнение людей лучше, чем фикция. Мы предполагаем, что читатели вряд ли считали бы вымышленный сюжет о, например, атомном апокалипсисе достоверным. Так как рассказы «Чернобыльской молитвы» являются реальными, это заставляет людей задумываться об опасностях атомной энергии.

Итак, произведения Алексиевич относятся к гибриднему жанру художественно-документальной прозы. Книгу «Чернобыльская молитва: хроника будущего» можно также отнести к жанру полифонического романа-интервью. Как данная книга, так и другие романы, написанные Алексиевич, основаны на многочисленных интервью и построены так, что записанные писательницей голоса самостоятельны и равноправны. Они могут противоречить друг другу и представлять совершенно разные воззрения. Интересно, что голоса в «Чернобыльской молитве», как считает Сону, похожи на молитвы. Произведения Алексиевич не являются лишь сводом записанных ей монологов и интервью, а представляют более сложные структуры. Творчество белорусской писательницы, безусловно, оригинально. Тем не менее оно не является в

литературе чем-то абсолютно новым, потому что в похожем стиле до Алексиевич писал Алесь Адамович, а свойственное её творчеству равноправие голосов было использовано ещё Достоевским.

3. Теоретическая основа работы

Мы ставим своей целью выяснить, как природа, а также отношения человека и окружающей среды репрезентируются в произведении «Чернобыльская молитва: хроника будущего». Поэтому для нашего исследования мы выбрали в качестве методологического инструмента метод экокритики, которая изучает связи между культурой и природой. В следующих разделах мы сначала дадим определение понятию «экокритика». Потом мы представим русскую традицию изучения природы в литературе, что, по нашему мнению, является также важным. Ведь многие герои книги могут рассказывать и рассуждать о природе в традициях русской натурфилософии.

3.1. Что такое экокритика?

Мы будем анализировать произведение «Чернобыльская молитва: хроника будущего» в рамках экокритики. Следовательно, нам надо представить данный научный подход и обосновать, почему мы его выбрали. Итак, что такое экокритическое исследование литературы?

Шерил Глотфелти (Glotfelty 1996: xviii) пишет: «попросту говоря, экокритика изучает связи между литературой и окружающей средой» (перевод наш. – Ю.С.). Однако, согласно аннотации книги «Eco-criticism» (2007), написанной Греггом Гаррардом, экокритические исследования могут охватывать все области культуры: кинематограф, музыку, живопись и т.д. и т.п. В своей статье «Eco-criticism» Пиппа Марлэнд даёт определение экокритике и детально рассказывает об истории данного научного подхода. По Марлэнд, термин «экокритика» соединяет множество критических подходов для исследования репрезентации взаимосвязи человека с не-человеческим (англ. non-human) в литературе, а также в других формах культуры. (Marland 2013: 846.)

Литературоведы сходятся во мнении, что датой появления экокритики можно считать 1962 год, когда американская писательница Рейчел Карсон опубликовала книгу «Безмолвная весна». В данной книге писательница описывает вредное воздействие пестицидов на живые организмы. Согласно исследователям, «Безмолвная весна» способствовала возникновению современного движения по охране окружающей среды.

(Garrard 2007:1, Marland 2013: 847, Lahtinen & Lehtimäki 2008: 7 и др.) Книга Карсон не только содействовала развитию экологических движений, но и послужила толчком для развития экокритических методов исследования литературы. Данные методы соединяют литературоведение с проблемами охраны природы.

Ключевым для экокритики является убеждение о том, что мы живём во время экологического кризиса. Ответственность за глобальные экологические проблемы лежит на человеке. Ещё на ранней стадии развития экокритического исследования литературы был достигнут консенсус относительно того, что способы бытия людей на Земле определяются, в значительной степени, культурой. Чтобы приостановить разрушительную силу кризиса, людям надо переосмыслить то, как они живут на Земле. Поэтому, как считает Лоуренс Бьюэлл, задачей экокритики должно являться обнаружение и критика вредоносных способов описания природы в литературе. (Marland 2013: 846-847.)

Во время первой стадии развития экокритики исследователи «концентрировались в литературе на репрезентации мира, находящегося за пределами текста». (перевод наш – Ю.С.) Большая часть их сил уходила на поиски литературных способов, с помощью которых можно было бы передать идеи, связанные с охраной природы. Особый интерес для экокритиков ранней стадии представляла литература нон-фикшн о природе. (Marland 2013: 848-849.)

Как мы писали выше, Марлэнд определяет экокритику как теоретический концепт, соединяющий множество критических подходов для исследования репрезентации взаимосвязи человека с природой. Одними из таких подходов, вероятно, можно считать «глубокую (или глубинную) экологию» (англ. *deep ecology*) и «социальную экологию» (англ. *social ecology*), так как им исследовательница уделяет особое внимание в своей статье.

Первое понятие означает философскую концепцию, согласно которой людям надо радикально пересмотреть свою систему взглядов о месте человека в мире. Данное учение отвергает раздельное существование природы и общества. Человек является частью природы. «Глубокая экология» оспаривает антропоцентризм, который ставит интересы человека выше интересов природы. (Marland 2013: 850, 860.) Таким образом, данная философская концепция распространяет этические права на всё живое и учит людей жить в гармонии с окружающей средой.

Сторонники второго понятия думают, что «идея господства человека над природой происходит от господства одних людей над другими» (Marland 2013: 850, 862). (перевод наш. – Ю.С.) Из идеи социальной экологии можно сделать вывод, что, исправив проблему социальной несправедливости, человек не будет причинять вред природе, станет ближе к ней.

Вторая стадия развития экокритики переплетается, среди всего прочего, с феминистическими исследованиями. Согласно экофеминизму, ответственность за экологический кризис лежит скорее не на всём человечестве, а лишь на элите общества, состоящей преимущественно из мужчин. Патриархат главенствует как над женщиной, так и над природой. (Marland 2013: 852, 861.) Нам кажется, что экофеминизм очень похож на социальную экологию. И экофеминисты, и сторонники идеи социальной экологии считают, что корни экологических проблем лежат в социальной несправедливости.

По Марлэнд, третья стадия развития экокритики связана с идеями космополитизма, которая ставит интересы всего человечества выше, чем интересы отдельных наций или государств. Таким образом, пределы культурных и национальных границ растворяются. Экологический космополитизм (англ. Eco-Cosmopolitics) означает то, что все аспекты человеческой практики изучаются с точки зрения окружающей среды. Данное понятие подразумевает сосредоточенное на экологии человечество. (Marland 2013: 854.)

Четвёртая стадия является материальной экокритикой. Согласно данной теории, между людьми и не-человеческим миром есть общая материя, что отрицает различие между человеком и окружающей средой. Четвёртая стадия развития также связана с идеями постгуманизма, который децентрализует человека. Настоящее мировоззрение ставит под вопрос то, что люди являются венцом творения. Как считает Кэри Вульф, «человек, которого мы знаем, не является и никогда не являлся самим собой». (Marland 2013: 855-856.) (перевод наш. – Ю.С.) Мнение Вульф основано на представлении постгуманизма, что эволюция человека ещё не завершена. Таким образом, люди являются такими же эволюционирующими существами, как и все остальные существа.

Итак, вначале экокритическое исследование культуры состояло лишь из относительно некритичной поддержки документальной литературы о природе. Однако со временем оно превратилось в борьбу с широким спектром культурных явлений, которые вредят

окружающей среде. Сегодня экокритика соединяет идеи по охране природы с общественно-политическими движениями, идеологиями и философскими концепциями, такими как, например, феминизм, космополитизм или «глубокая экология».

Экокритика даёт нам возможность анализировать литературу с помощью разных подходов. Найдя в тексте, например, идеи «глубокой экологии» или антропоцентризма, мы сможем увидеть, каково понимание природы у рассказчиков «Чернобыльской молитвы». Экокритика подходит для изучения любых форм культуры и жанров, поэтому мы можем анализировать художественно-документальный роман «Чернобыльскую молитва» с экокритической точки зрения.

Сама тематика «Чернобыльской молитвы» отвечает убеждению экокритиков о том, что мы живём во время экологического кризиса. Ведь Чернобыльская катастрофа является неотъемлемой частью глобального загрязнения планеты. В год аварии повышенный радиоактивный фон был зафиксирован во многих странах, далёких от Чернобыля. В Финляндии, например, взрыв реактора на Чернобыльской АЭС привёл к сильному загрязнению мяса северного оленя (Всемирная организация здравоохранения, www). Прилегающие к станции земли будут, вероятно, непригодны для жизни ещё тысячи лет.

3.2. Чувство природы

Выше мы рассказывали о западной экокритике, которая изучает связи человека и окружающей среды. Сейчас мы переходим к описанию русской традиции изучения природы в литературе, называемой «чувством природы». Данное понятие, согласно Гурленовой (2001: 22), связано с вопросом: «как человек понимает природу и своё место в ней?». Автор не приводит в своей статье конкретных примеров ответа на этот вопрос. Нам видится, что при изучении чувства природы в литературе исследователей интересует, например, видит ли человек себя частью природы и порождённым ей или является отдельным от неё и попирающим её законы. Типичными для русских литературоведов также являются, на наш взгляд, сравнения социального поведения людей и их отношений к окружающей среде. По мнению Залыгина (1980: 173), отношения людей между собой и их характеры являются продолжением отношений, установленных человеком между им и природой. То есть если, например, отдельные

люди жестоки по отношению к животным, то и к другим людям они так же жестоки. Позже в аналитической части нашей работы мы увидим, что герои «Чернобыльской молитвы» довольно часто размышляют среди всего прочего о своём месте в мире природы и влиянии советской идеологии на действия по отношению к людям и окружающей среде.

Чувство природы синтезирует в себе два аспекта: мировоззренческий и чувственно-эмоциональный. Первый означает понимание природы и решение философских вопросов. Так, религии, политические направления и разные научные подходы по-разному понимают естественную среду и видят роль человека в ней. Второй аспект связан с психической жизнью человека. Ещё русский историк и литератор Николай Карамзин (1766-1826) отмечал сильное воздействие природного мира на человека. По его мнению, природа воздействует на формирование национального характера и национальной культуры. Природа, местность и климат страны могут, например, отражаться в архитектуре. Карамзин также считал, что природа может содействовать не только физическому, но и духовному здоровью человека. (Гурленова 1999: 11-13, 2001: 16-17.)

Чувство природы понимается либо как данное от рождения, либо как сформированное в культуре, например, вследствие естественно-научных знаний общества или влияния христианских идей на сознание (Гурленова 2001:17). То есть данное понятие сильно зависит от исторической эпохи и культурной среды. В литературе изменения представлений человека о природе можно заметить, например, по эволюции охотничьих рассказов. Как замечает Залыгин (1980: 171), раньше писали о вечных пейзажах, но сейчас краткая человеческая жизнь может оказаться более длинной, чем веками не изменявшийся пейзаж.

Как правило, в русской культуре взаимосвязь человека и природы рассматривается в традициях натурфилософии. По Гречишкиной, философия природы ищет универсальный закон, который может объяснить функционирование всего мира в целом. Натурфилософские исследования «стремятся рационально постичь целостность природы и её первоначала, осмыслить природу как общее предельное понятие, задающее принципиальную схему понимания и объяснения отдельных вещей, как регулятивную идею, позволяющую понять всё сущее и все предметы в их единстве и многообразии форм, построить рационально-научную картину мира, восполнив

данные естествознания и выявив внутренние принципы взаимосвязи и детерминации вещей, раскрыть различные уровни природы как целого – от неорганической природы к жизни и к жизни человека». (Гречишкина 2014: 11-12.) Художественная литература, стремящаяся философски осмысливать и толковать закономерности и связи природы, такие как взаимоотношения человека и природы, называется сегодня «натурфилософской прозой». Согласно А.И. Смирновой (2011: 5, 11), произведения, относящиеся к этому направлению в русской/русскоязычной прозе, ориентируются особенно на фольклорные жанры.

Как в русской, так и в других культурах есть общее представление природы. То, какие ощущения вызывает природа в сознании народа, можно заметить, анализируя закономерности в литературе. В своём анализе поэзии о природе М. Эпштейн использует понятие «мегатекст». Под данным термином автор понимает всю русскую поэзию как одну единственную книгу. Иными словами, мегатекст может состоять, например, из всех текстов о природе, написанных русскими писателями. В нём есть закономерности, которые трудно заметить, если прочитать лишь несколько текстов о природе. Согласно Эпштейну, мегатекст существует в культурной памяти народа. Таким образом, когда писатели или поэты пишут, например, о лесе или реке, они неосознанно берут из культурной памяти национальные описания природы. То же самое касается и героев «Чернобыльской молитвы», которые рассказывают о животных и пейзажах заражённой зоны. (Эпштейн 1990, www)

Из всего сказанного о чувстве природы можно сделать следующие выводы. Русская традиция является, наверное, более философской, чем западная. Если западная экокритика ведёт своё происхождение от экологических движений и ориентируется на защите окружающей среды, то «чувству природы» свойственны философские поиски объяснения функционирования мира. Например, описания пейзажа в охотничьих рассказах важны не сами по себе, а в это «чувство пейзажа», или – более широко – «чувство природы», тоже входит беспокойство по поводу реальных экологических проблем, но центральный пункт в изображении природы современными писателями всё же составляют философские рассуждения о мире и о том, как природа влияет на людей. Русская традиция подчёркивает воздействие природы на человека. В отличие от социальной экологии, которая входит в концепт экокритики, русские исследователи могут, например, считать, что отношения между людьми являются продолжением отношений, установленных человеком между им и природой. В социальной экологии,

наоборот, действия людей по отношению к природе происходят от того, как устроено общество.

4. Анализ материала

В аналитической части нашей работы мы сначала представим понятие «крупные метафоры» (англ. large-scale metaphors), заимствованное из экокритики, потом проанализируем «Чернобыльскую молитву» с помощью них. «Крупные метафоры» являются индивидуально-авторским термином литературоведа-экокритика Грега Гаррарда и означают особенности дискуссии об окружающей среде. Отношение человека к природе и способы его бытия на земле определяются культурой. Экокритиков интересует, как культура производится языком. То, как люди пишут или говорят о природе, показывает их взаимосвязь с ней.

«Чернобыльская молитва» является «многоголосным произведением». Оно состоит из множества независимых «голосов», самостоятельных философских построений. В «Чернобыльской молитве», как мы считаем, «голоса» можно разделить на группы по тематическим признакам. После анализа «крупных метафор» мы проанализируем и голоса книги.

4.1. «Крупные метафоры» экокритики

Метафора – это одно из средств репрезентации. Она означает употребление слова в переносном значении на основании общих признаков. Со временем метафоры могут вытеснять первоначальное значение слова. (Литературная энциклопедия, www.) То, какую риторику и какие аллегории человек использует по отношению к окружающей среде, говорит о его отношении к ней. Литературовед Грег Гаррард (Garrard 2007: 7) рассматривает культуру как «продукцию, репродукцию и изменение крупных метафор» (перевод наш – Ю.С.). Он отмечает семь таких метафор, которые встречаются в литературе: загрязнение (англ. pollution), пастораль (англ. pastoral), апокалипсис (англ. apocalypse), животные (англ. animals), жизнь на лоне природы (англ. dwelling), дикая природа (англ. wilderness) и земля (англ. the Earth). В нашей работе мы будем использовать первые пять метафор.

В литературе тема загрязнения нередко имеет апокалипсический характер и пересекается с пасторалью: идиллическая сельская жизнь среди красивой природы заканчивается вследствие какой-либо катастрофы. Метафоры могут изменяться со

временем. Так, например, индустриализация оказала очень сильное влияние на тексты о природе, потому что растущая промышленность сильно загрязняла окружающую среду, что не осталось без внимания литературы. Само английское слово «pollution» означало в прошлом человеческое поведение, считавшиеся аморальными, но со временем слово стали употреблять для обозначения экологических проблем. (Garrard 2007: 1-9.)

Пастораль является традицией, которая поэтизирует спокойную сельскую жизнь в гармонии с природой. Согласно Гаррарду, причины появления данной традиции берут своё начало с античных времён, когда древние римляне вследствие вырубки лесов, восхищались прежним состоянием девственной, нетронутой природы. Для пасторали свойственна идеализация деревенской жизни и ностальгия по ней. (Garrard 2007: 33-59.) В «Чернобыльской молитве» это проявляется довольно часто. Герои романа в своих монологах вспоминают красивые пейзажи родных деревень и спокойную жизнь, которую у них отняла чернобыльская катастрофа.

Люди верили в неминуемый конец света ещё в дохристианские времена. На протяжении истории апокалипсис связывали, например, с господней карой за грехи человечества или со всемирным голодом, вызванным перенаселением планеты. Согласно книге Гаррарда, апокалипсическая риторика является самой успешной для достижений целей «зелёной» политики и обязательным компонентом экологического дискурса. Мы согласны с данным утверждением, ведь беспокойство за будущее может заставить пересмотреть людей свои взгляды на жизнь. Признаком трагической апокалипсической риторики является абсолютная достоверность пророчества, представление материальной угрозы как зла и то, что кризис уже начался. (Garrard 2007: 85-86, 95) Такая риторика довольно часто встречается в «Чернобыльской молитве». Нас интересует анализ беспокойства рассказчиков «Чернобыльской молитвы» о будущем. Многие герои книги видят радиацию как угрозу, которая со временем уничтожит всю жизнь в заражённых зонах.

В отличие от метафоры «пастораль», которая рассматривает окружающую среду лишь с перспективы эстетического туризма, метафора жизни на лоне природы подразумевает то, как человеку следует жить на земле и какую ответственность он при этом несёт. Так как анимизм, то есть одушевление всей природы, является важной чертой данного тропа, человек должен с уважением относиться ко всему, что его

окружает. (Garrard 2007: 108.) В «Чернобыльской молитве» примеры настоящей метафоры можно найти в рассказах о крестьянах, которые якобы живут в союзе с природой и занимаются земледелием, не вредя ей.

Что касается животных, то они часто присутствуют в рассказах произведения Алексиевич. Люди проявляют к ним сострадание и отождествляют себя с ними. Иногда зверям приписывают человеческие чувства. В гуманитарных науках, согласно Гаррарду, проводится культурный анализ репрезентация животных и ведутся философские размышления об их правах (Garrard 2007: 136). Так, например, в одном из монологов «Чернобыльской молитвы» ставится вопрос: почему люди позаботились только о себе, оставив домашних питомцев и скот в зоне?

4.2. «Крупные метафоры» в «Чернобыльской молитве»

4.2.1. Метафоры апокалипсиса и загрязнения

Ключевая метафора «Чернобыльской молитвы» – это апокалипсис. Он является пророчеством о конце света и может использоваться как синоним страшной катастрофы. В произведении Алексиевич метафора апокалипсиса интересна тем, что является не предсказанием будущих событий, а уже произошедшим явлением. В «Чернобыльской молитве» метафора конца света тесно связана с религией. Радиационное загрязнение, о котором рассказывается в книге, мы видим частью апокалипсиса, поэтому метафоры «апокалипсис» и «загрязнение» будут рассматриваться в одной главе.

Апокалиптическая риторика и упоминания понятия «конец света» присутствуют на протяжении всей книги, начинаясь уже с главы, в которой Алексиевич даёт интервью самой себе. Автор сравнивает чернобыльскую аварию с апокалипсисами искусства.

Как рассказывает ликвидатор Аркадий Филин, жители деревень не понимали, почему солдаты перекапывали огороды (Алексиевич 2013: 107). Деревенские бабки спрашивали у них: «солдатики, это что – конец света?» (Алексиевич 2013: 108). Интересно, что именно мнение военных виделось старикам авторитетным в такой непонятной для них ситуации, как атомная авария.

В «Чернобыльской молитве» апокалипсическая риторика весьма трагична. В большинстве воспоминаний рассказываются не предостережения о возможной катастрофе в будущем, а описывается уже случившееся событие. Верующие рассказчики пытаются понять чернобыльскую катастрофу с помощью религии. Некоторые из них с достоверностью утверждают о сбывшихся, по их мнению, пророчествах о конце света и о суде над людьми. Так, например, человек, называющий себя рабом божьим Николаем, думает, что чернобыльская катастрофа была предсказана в Библии. Он цитирует отрывок из Нового Завета (Откровение Иоанна Богослова):

«...и упала с неба большая звезда, горящая подобно факелу, и пала на третью часть рек и на источник вод. Имя сей звезде „полынь“. И третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки...» (Алексиевич 2013: 78-79).

Николай говорит, что имя звезды из Откровения Иоанна Богослова переводится с украинского на русский как чернобыль (Алексиевич 2013: 79). Согласно толковым словарям (Ожегов, Шведова 2000: 881, Толковый словарь Ефремовой 2000: www), чернобыльник или чернобыль действительно является одним из видов полыни.

О том, что катастрофа уже произошла и будет продолжаться, говорит и «хроника будущего» в названии книги. Так как для полного распада сильного радиационного заражения местности требуются тысячелетия, радиоактивные вещества будут вредить ещё в течение долгого времени здоровью людей и животных.

Убеждение экокритиков о том, что мы живём во время экологического кризиса, прослеживается и в рассказах героев книги. Рядом с Чернобылем апокалипсис уже начался. В «Чернобыльской молитве» много рассказывается о том, что жизни после аварии не будет. Для рассказчиков книги радиационное заражение представляет то, что со временем может уничтожить всё живое:

«И кукушка кукует, сороки трещат. Косули бегают. А будут ли они дальше вестись, никто не скажет» (Алексиевич 2013: 64)

Как правило, в книге говорят о невидимом радиационном заражении. Однако, в книге описывается и такое загрязнение, которое можно видеть:

«Такая чёрная туча... Такой ливень...Лужи стали жёлтые... Зелёные... Как будто в них налили краски... Говорили, что это пыльца от цветов... Мы не бегали по лужам, только смотрели на них. Бабушка закрывала нас в погребе. А

сама становилась на колени и молилась. И нас учила: «Молитесь! Это – конец света. Наказание божье за наши грехи». (Алексиевич 2013: 278)

Видимые последствия аварии вызывают больше опасений, чем невидимые. Когда люди видят загрязнение природы своими глазами, это вызывает в них чувство страха, и они начинают верить в пророчество о конце света. В главе 3.3 мы писали о чувствительно-эмоциональном аспекте «чувства природы». Природа может вызывать у людей нравственные и эстетические эмоции. В «Чернобыльской молитве» у людей появляется страх, когда они видят что-то неестественное для знакомой природы, например, дождевую воду жёлтого цвета или странную смерть кротов.

В книге Алексиевич о загрязнение или радиационном заражении рассказывается не только как о явлении, отравляющем природу и человеческий организм.

«Чернобыль – основное содержание их мира, все внутри и вокруг отравлено им, а не только земля и вода». (Алексиевич 2013: 33)

Итак, голоса книги рассказывают с помощью апокалипсической риторики, как правило, о сбывшемся пророчестве и о том, что кризис уже начался. Однако, в «Чернобыльской молитве» мы нашли и предсказания о еще более страшных кризисах будущего, чем Чернобыльская авария. Чаще именно видимые последствия аварии вызывали у людей страх. Когда природа обретала неестественный внешний вид, люди боялись и вспоминали пророчество о конце света.

4.2.2. Метафора «животные»

Метафору «животные» мы считаем весьма значительной, потому что животные занимают важное место в культуре. Люди издавна строили своё представление о себе, своём обществе и культурных ценностях на примерах и сравнениях, связанных с животным миром (Anttonen 2002: 63, 65). Как в прошлом, так и в наши дни звери изображаются на гербах и флагах, являются героями фольклорных произведений, а также играют важную роль в промысле человека. Тема отношений людей и животных присутствует в разных идеологических и религиозных учениях. К примеру, согласно Жирову (2008: 617-618), современные антихристианские идеи о равных правах на существования всех живых организмов приводят к представлению о малоценности жизни человека, что таит в себе угрозу для человеческого общества. Подобные взгляды, как нам кажется, не получают поддержки в «Чернобыльской молитве».

Иерархия, в которой человек занимает верхнюю ступень, наоборот ставится рассказчиками как минимум под вопрос. О встречах людей с животными в произведении рассказывают в основном самосёлы и ликвидаторы.

В христианстве человек призван главенствовать над природой. По Библии, как считает Линн Уайт (White 1996: 9), Адам установил господство над животными, дав им имена. В дохристианские времена отношение человека к животному было другим. Люди считали себя и животных равноценными сегментами природы. По Юлимауну, такое отношение было связано, прежде всего, с охотой в целях пропитания. В далёком прошлом жизнь человека зависела от животных. На изменения в отношениях людей к зверям влияло не только христианство. С развитием земледелия и скотоводства в культурах стали по-разному относиться к разным видам животного мира. Появилось деление на «хороших» и «плохих» животных. Последние вредили промыслу человека. (Ylimaunu 2002: 116-118, 123-124.)

В советской идеологии человек и его интересы тоже ставились выше природы. Литература социалистического реализма активно пропагандировала идею об эксплуатации природы во благо советского народа. Тема борьбы человека с природными силами была важной в советское время. (Штильмарк 1992, www.) Природа была врагом человека, которого нужно было покорить. Несмотря на такое отношение советской литературы к природе в целом именно про животных в советских книгах рассказывалось по-особенному. В утопических произведениях 1920-х годов животное обретает разум и обучается человеческим делам. В литературе 1920-50-х гг. происходит социализация животных, у каждого из которых появляется своя общественная функция. Например, мотив собаки пользовался в то время большой популярностью у поэтов и писателей, потому что собака считалась умным животным и оказывала неоценимую помощь людям. Советские писатели не искали различий между людьми и животными, а скорее наоборот пытались найти сходства. (Эпштейн 1990, www.)

В «Чернобыльской молитве» рассказчики тоже не ищут различий. Они, наоборот, отождествляют себя со зверями. В воспоминаниях некоторых ликвидаторов животным приписываются человеческие чувства и особенности.

«Лошади... Их вели на убой... Они плакали...». (Алексиевич 2013:116)

В рассказах «Чернобыльской молитвы» происходит солидаризация человека с животным. Многие голоса подчёркивают, что и звери, и люди страдают после аварии.

«У нас теперь у всех одна беда. Никого не гоню. Вчера заяц прибежал».
(Алексиевич 2013: 47)

«Радиация... Она и людей пугает, и зверей... и птиц. И даже дереву страшно, только что оно немое. Не скажет» (Алексиевич 2013: 67)

Однако, среди голосов сострадания, которые отождествляют людей и животных, слышится и другое мнение.

«Это мы, люди, что-то понимаем, а они просто живут. Прах ходячий».
(Алексиевич 2013: 116)

В переносном смысле слово «прах» означает либо тело человека после смерти, либо что-то малоценное или ничтожное (Толковый словарь Ефремовой 2000, www). В последнем примере, безусловно, происходит разделение животных и людей, в котором последние ставятся выше. По нашим наблюдениям, подобные мнения, разделяющие человека и животный мир, не занимают господствующего положения в книге. Они, наоборот, делают громче те голоса, которые сочувствуют зверям и сравнивают их с людьми.

Иногда рассказчики не ставят человека выше животного, а даже, напротив, отмечают превосходство представителей животного мира над людьми. В «Чернобыльской молитве» часто рассказывается о том, что, в отличие от насекомых и зверей, человек не может чувствовать радиоактивного загрязнения. В качестве примера можно привести воспоминание о пчёлах:

«У деда моего пчелы, стояло пять ульев. Так они три дня не вылетали, ни одна. Сидели в ульях. Пережидали. Дед по двору носится: что за напасть такая? Что за холера? Что-то в природе случилось. А их система, как потом, уже время прошло, объяснил нам сосед, учитель, лучше нашей, разумнее, так как они сразу слышали. Радио, газеты еще молчали, а пчелы уже знали».
(Алексиевич 2013: 66-67)

В приведённом выше примере живые организмы как будто сравниваются с какими-то техническими устройствами. Алексиевич (2013: 34) тоже называет органы чувства людей инструментом, который не настроен на распознавание радиации. У насекомых и зверей такое устройство или инструмент есть. По нашему мнению, в рассказах о превосходстве чувственных органов животных человек уже не представляется как венец творения природы. Люди, наоборот, кажутся неготовыми к кризису и

беззащитными. Алексиевич (2013: 38) пишет, что человеку, вероятно, следует даже в чём-то учиться у животного. Мы полагаем, что рассказы о превосходстве животных подходят для рассуждений в духе постгуманизма, который ставит под вопрос то, что человек является венцом творения. Эволюция – это вечный процесс, поэтому люди не в праве ставить себя выше всей природы. Человек является таким же развивающимся существом, как и все остальные существа.

Мы писали в предыдущем разделе, что в литературе часто ведутся философские размышления о правах животных. То же самое делает Алексиевич: «Человек спасал только самого себя, всех остальных он предал». У зверей, по её мнению, должны быть равные с человеком права на спасение. Алексиевич приводит интересный пример про древний Египет, в котором животное имело право на жалобу против человека. (Алексиевич 2013: 37.) В её примере зверям приписывается способность умения жить по людским законам. В книге довольно много размышлений о животных и их правах. К этой теме мы ещё вернёмся в главе «Голос сострадания».

Итак, во время катастрофы животные не остаются незамеченными. К ним испытывается сострадание во многих рассказах «Чернобыльской молитвы». Ликвидаторы чувствуют вину за то, что убивали лошадей, собак и других домашних питомцев. Одни рассказчики отождествляют себя со зверями, другие отмечают превосходство чувствительных органов животных в сравнении с человеком. Таким образом, ставится под вопрос иерархия, установленная христианством и советской идеологией. Конечно, надо также помнить, что не только религия определяет отношение человека к животным. Важную роль в нём играет промысел человека. Лошади, собаки, а также рогатый скот и в наше время являются – особенно в деревне – помощниками человека и обеспечивают его пропитанием.

4.2.3. Метафора «жизнь на лоне природы»

С помощью метафоры жизни на лоне природы рассказывается о том, как человеку надо жить на земле. Данный троп поможет нам установить отношение к природе многих рассказчиков книги.

Одним из способов жизни людей на земле является жизнь в гармонии с природой. Чтобы человеку так жить, у него должно быть особое мировоззрение. В качестве

примера можно привести идеи «глубокой экологии», которая не разделяет общество и природу. Этика распространяется не только на отношения людей между собой, но и на всю природу со всем её разнообразием живых существ. Когда человек не ставит себя выше природы, он учитывает не только свои интересы и чувствует ответственность перед окружающей средой. В «Чернобыльской молитве» подобный образ мыслей проявляется особенно в действиях старых деревенских жителей к неодушевленным предметам. По нашему мнению, на поведение стариков влияет их анимистическое представление о мире.

Анимизм означает веру в одушевленность всей природы. Люди с анимистическим мышлением могут вести себя по отношению к природе так же, как и к другим людям. Мы думаем, что это связано с тем, что наличие «души» у всех элементов природы даёт им одинаковый статус.

Нами был найден хороший пример ритуала, который показывает гармоничное отношение людей к природе. Это была небольшая церемония прощания с домом во время эвакуации. Ритуал проводился старой женщиной.

«Мы уезжали... Хочу рассказать, как прощалась с нашим домом моя бабушка. Она попросила отца вынести из кладовой мешок пшена и разбросала его по саду: «Божьим птичкам». Собрала в решето яйца и высыпала во дворе: «Нашему коту и собаке». Нарезала им сала. Вытряхнула из всех своих мешочков семена: морковки, тыквы, огурцов, лука-чернушки... Разных цветов... Рассыпала по огороду: «Пусть в земле живут». А потом поклонилась дому... Поклонилась сараю... Обошла и поклонилась каждой яблоньке... А дедушка, когда мы уходили, снял шапку...» (Алексиевич 2013: 280)

В примере мы видим, что люди не разделяют природу и человека. Старики относятся к неживым объектам природы как к себе подобным. Бабушка делает поклон дому и яблоням, а также говорит о семенах: «пусть в земле живут». Такой ритуальный жест как поклон мы нашли также в рассказе одной бабушки. Она благодарила аиста за то, что он прилетел (Алексиевич 2013: 173). В «Чернобыльской молитве» отношение старых людей и природы является довольно часто анимистическим. Они как будто верят, что все элементы окружающей среды имеют душу, поэтому к ним следует относиться с уважением. Тем не менее, особенное почтение оказывается деревьям.

Конечно, с утилитарной точки зрения особое уважение к яблоне можно объяснить тем, что от неё есть польза человеку. Однако в древнерусской культуре у деревьев была

особая роль – они являлись объектами поклонения. Так, например, новгородские источники свидетельствуют, что церковь боролась с языческими молениями в рощах вплоть до XVI века (Агапкина и Топорков 1988, 227). Что касается прощания с домом и поклон бабушки аисту, то такое отношение к объектам окружения, скорее всего, тоже веками передавалось из поколения в поколение. В славянской мифологии аист был человеком, которого Бог превратил в птицу в наказание (Информационный сайт rapan.ru, www). Разбрасывание зерна во время прощания со двором и домом похоже чем-то, по нашему мнению, на похоронный обряд, в котором роль покойника принадлежит дому. В похоронных обычаях восточных славян зерно играло всегда важную роль. Они издавна верили в защитную силу зерна и посыпали им покойника, порог дома и дорогу (Информационный сайт rapan.ru, www). Разбрасывание бабушкой еды по двору можно, например, рассматривать как похоронную трапезу.

В книге Алексиевич чернобыльская катастрофа сравнивается с войной. В одном из воспоминаний о военном времени мы тоже нашли хороший пример анимизма.

Как война началась, не было в тот год ни грибов, ни ягод. Поверите? Сама земля беду чуяла. (Алексиевич 2013: 62)

Есть ли в воспоминании о войне метафора жизни на лоне природы? Вероятно, земля не дала людям плодов, потому что люди неправильно жили. Действия человечества привели к войне, от которой страдал и человек, и природа.

У молодого поколения и учёных несколько другие взгляды на роль человека в мире. Доктор сельскохозяйственных наук считает, что человек является как врагом природы, так и творцом, который может сделать мир лучше:

«С одной стороны, наша цивилизация антибиологична, человек самый страшный враг природы, а, с другой стороны, он – творец. Преображает мир». (Алексиевич 2013: 162)

Если в рассказах стариков человек является частью природы, то учёная скорее разделяет природу и человека. Однако и в рассказах учёных есть критика того, что люди неправильно живут на земле. В самой аварии они винят человека, который неправильно обслуживал реактор, а не атомную технологию: «Я вам доказываю, что не наука виновата в Чернобыле, а человек» (Алексиевич 2013: 167). В их понимании люди должны жить рационально, правильно, соблюдая все технические инструкции, чтобы не было техногенной беды. Даже на заражённой земле можно жить по науке: «Что мы

предлагаем? Научиться управлять радиацией, как электричеством, направляя ее по цепочкам в обход человека» (Алексиевич 2013: 166).

Мы считаем, что образ мыслей старых людей немного похож на «глубокую экологию». В рассказах стариков человек является частью природы. Они живут в гармонии с природой. Относясь к природе как к другим людям, старики показывают своё единство с ней и распространяют свою этику на всё живое. Если мировоззрение стариков похоже на «глубокую экологию», то отношение молодого поколения к природе можно сравнить с «поверхностной экологией». Оба понятия были введены норвежцем Арне Наессом. В отличие от «глубокой экологии», «поверхностная экология» считает человека вне природы и оправдывает его вмешательство в природу.

Итак, мы нашли в «Чернобыльской молитве» примеры метафоры жизни на лоне природы, которые указывают на анимистическое мировоззрение некоторых жителей зоны. Особенности связи с природой у старых людей, которые обнаруживают своё единство с природой. Для них человек ничем не отличается от других элементов природы, потому что у всего есть «душа». Учёные скорее, наоборот, разделяют природу и общество. По их мнению, человек должен быть творцом на земле.

4.2.4. Метафора «пастораль»

Традиция пасторали поэтизирует спокойную сельскую жизнь в гармонии с природой. В «Чернобыльской молитве» мы нашли две разных пасторали: такую, в которой описывает природу до экологической катастрофы, и такую, в которой рассказывается о красивых пейзажах во время кризиса. Описание окружающей среды в традиции пасторали, по нашему мнению, показывает, что человеку приятно быть близко к природе.

Так как радиационное загрязнение невидимо, высокий радиационный фон не разрушает пейзажи пасторали, о которых рассказывают люди, приехавшие в зону после аварии.

«Увидел и начал снимать цветущую яблоню... гудят шмели, белый, свадебный цвет... Опять же – люди работают, сады цветут... Держу в руках камеру, но не могу понять... Что-то не так! Экспозиция нормальная, картинка красивая, что-то не то. И вдруг пронзает: не слышу запаха. Сад цветет, а нет запаха. Это

только потом я узнал, что существует такая реакция организма при высокой радиации, блокируются некоторые органы». (Алексиевич 2013: 125)

В данном примере рассказчик (кинооператор) описывает идиллический пейзаж. Он рассказывает о бытовой сцене и сельском благополучии. Несмотря на то, что авария на Чернобыльской АЭС уже произошла, сады цветут, насекомые опыляют деревья, люди занимаются привычной работой на лоне природы. Даже потеря обоняния не нарушает идиллии, потому что рассказчик ещё не знает, с чем это связано.

«Прислали студентов. Они вырывали на полях лебеду. Гребли сено. Несколько пар было совсем молоденьких. Муж и жена. Они еще за руку ходили. Это было невозможно видеть. А места такие красивые! Такое великолепие! Ужас был еще ужаснее, потому что красиво. И человеку надо отсюда уходить. Бежать, как злодею. Как преступнику». (Алексиевич 2013: 110)

В этом примере ликвидатор описывает красивый деревенский пейзаж и сельские работы. Выбранные нами рассказы объединяет то, что они рассказывают о пейзажах во время атомной катастрофы. Оба примера показывают, что красивая природа вызывает у людей приятные эмоции. Из-за этого бывает сложно поверить в катастрофу.

Старые люди, деревни которых были отравлены радиацией, связывают кризис, как правило, с эвакуацией. Их рассказы в традиции пасторали, в отличие от приезжих в зону ликвидаторов и экспертов, наоборот, часто предшествует катастрофе. Старики вспоминают спокойную жизнь своих деревень и ностальгируют по ней. Однако, что-то похожее на пастораль во время апокалипсиса есть и в рассказах старых людей, которые живут на заражённых радиацией территориях. Они говорят, что в зоне есть всё, что нужно для жизни.

«Дров полно – кругом лес. Хата тёплая. Лампа горит. Хорошо! Козу держу, козлика, трое свиной, четырнадцать кур. Земли – вдосталь, травы – вдосталь. Вода есть в колодце. Воля! Нам хорошо!» (Алексиевич 2013: 60)

Мы считаем, что данный пример является пасторалью. В нём рассказывается о сельском благополучии. Природа даёт человеку всё необходимое для существования.

4.3. Диалогическая теория М.М. Бахтина

В данной части нашей работы мы остановимся на понятии «голос». Это понятие важно для нас, потому что роман «Чернобыльская молитва» является «многоголосым», и у всех голосов в нём равные права. Мы будем рассматривать «голос» с помощью

диалогической теории Михаила Бахтина, которая хорошо совмещается с экокритическим чтением литературы.

«Голос», по теории Бахтина, означает индивидуальные особенности говорящего, его сознание. Автор видит диалогические отношения между «голосами». Согласно диалогической теории, слово получает своё значение, выделяясь среди других слов. В прозе значение не принадлежит лишь одному говорящему, а всегда строится в диалоге, участники которого имеют свои мнения и различия. Тропы прозаических произведений включают в себя всегда более одного голоса и поэтому являются диалогичными. В своей книге «Проблемы поэтики Достоевского» М.М. Бахтин рассказывает о внутренних диалогах, которые ведут герои произведений русского классика. Эти диалоги ведутся с воображаемым слушателем. В качестве примера приводятся разговоры с двойником и чёртом. Такие диалоги связаны с внутренними противоречиями и внутренними этапами развития человека. Из каждого противоречия внутри одного человека Достоевский стремится делать двух людей, два голоса. (Bakhtin 1987: 434, Бахтин 1972: 17)

В «Чернобыльской молитве» у рассказчиков возникают вопросы и противоречия в оценке чернобыльской катастрофы. Герои произведения могут вести диалог на разных уровнях. В своих рассказах рассказчики могут вступать в диалогическую связь не только с интервьюером или конкретным воображаемым слушателем, но и с более абстрактными вещами. Некоторые рассказчики ведут диалог, например, с русской культурой или историей.

Теория Бахтина хорошо совмещается с экокритическим чтением литературы. Майкл Макдауэлл детально рассматривает данную тему в эссе под названием "The Bahtinian road to ecological insight". Автор считает теорию Бахтина наукой взаимоотношений, наблюдением за взаимодействием разных голосов. Для экокритики представляет интерес репрезентация как человеческих, так и не-человеческих (англ. nonhuman) голосов в тексте. Любая сущность, согласно Макдауэллу, распознаётся и имеет «голос». У такого подхода есть будто бы две проблемы: звери и объекты материальной окружающей среды не умеют разговаривать, подобно человеку (1), и в некоторых текстах совсем нет героев-людей (2). В литературе элементам экосистемы приписывают человеческие качества и придаются особенности человеческого общества, такие как иерархия (например, лев – царь зверей: пример наш. – Ю.С.).

Людам, кстати, тоже могут приписываться черты материальной окружающей среды. Что касается пейзажей без человека, то, по мнению Макдауэлла, они лишь кажутся таковыми, потому что, «как сказал бы Бахтин, голос рассказчика является доказательством присутствия человека» (перевод наш. – Ю.С.). (McDowell 1996: 372-375.) У каждого текста есть автор, и даже при немом чтении про себя мы слышим голоса (Бахтин:1986: 285).

4.4. Разные «голоса» «Чернобыльской молитвы»

Теперь, после представления понятия «голос», мы хотим рассмотреть голоса «Чернобыльской молитвы». Они принадлежат автору книги, Светлане Алексиевич и рассказчикам, у которых она брала интервью. Нам интересно выяснить, кто, как и в каких ситуациях говорит о природе и экологической катастрофе. В «Чернобыльской молитве» голоса ведут диалог не столько между собой, сколько с историей, политикой или культурой. Герои книги философствуют и пытаются понять чернобыльскую катастрофу и узнать место человека в природе с помощью рассуждений о культуре, идеологии, а также с помощью воспоминаний исторических событиях. Мы создаём свою классификацию голосов в большей степени по тематическим признакам.

Первый голос – это «голос войны». Он сравнивает катастрофу Чернобыля с войной. Данным голосом часто говорят старики, которые пережили вторжение фашистской Германии в Советский Союз (1941-1945). Война может также сравниваться с чернобыльской атомной аварией и ветеранами афганской войны (1979-1989), и людьми, которые не воевали. «Голос войны» ведёт диалог с историей. Данный голос ищет ответы в прошлом, которое нередко представляется ему более понятным, чем настоящее.

Второй голос мы классифицируем как «голос религии». Верующие люди ищут объяснения аварии в Библии. «Голосом религии» чаще всего в книге говорят бабушки из деревень. Так как СССР был атеистическим государством, «голос религии» может иметь диалогическую связь с советским прошлым и идеологией, которая отрицала существование Бога.

Третий голос является «голосом сострадания», который может принадлежать как ликвидаторам, так и жителям загрязнённой зоны. Многие герои книги философствуют

о связях животных и людей. Некоторые рассказчики размышляют о правах животных и вины человека перед ними.

Четвёртый голос – это «голос эксперта». Под словом «эксперт» мы понимаем не только учёных, разбирающихся в физике, атомной энергетике или экологии, но других представителей интеллигенции. «Голос эксперта» ведёт диалог с культурой. «Эксперты» ищут причины аварии в русской культуре. Они могут размышлять о своём отношении как природе, так и науке, в которую верили всю жизнь.

Последний голос принадлежит автору, Светлане Алексиевич. Её голос присутствует только в начале книги. В большей части «Чернобыльской молитвы» он отсутствует, но взгляды писательницы можно определить по тому, сколько места в своей книге она даёт тем или иным голосам и какие именно голоса она выбирает из огромного количества материала для представления разных точек зрения. Интересно также, что некоторые рассказчики книги могут говорить несколькими голосами.

Итак, мы выделили 5 голосов «Чернобыльской молитвы»: «голос войны», «голос религии», «голос сострадания», «голос эксперта» и «голос автора». Сейчас мы остановимся на их анализе.

4.4.1. «Голос войны»

«Голос войны» занимает много места в книге, потому что войны прошлого и катастрофа часто сравниваются рассказчиками. С помощью этих сравнений они хотят понять мир после Чернобыля. Тема войны поднимается в рассказах «Чернобыльской молитвы» не только людьми, пережившими военное время, но и другими рассказчиками. Это может быть связано с так называемой «негативной идентичностью» советской культуры.

Вероятно, причину того, почему тема войны часто присутствует в рассказах книги, следует искать в культурной истории России. Социолог Лев Гудков рассматривает понятие «негативная идентичность» в сборнике статей под одноимённым названием. Согласно автору, идеологема врага играла важную роль в советском обществе. С помощью «врагов» строилась идентичность советского народа, проводилось деление на «мы» и «они» и сохранялась управляющая система общества. «'Враги' являются одним из ключевых факторов формирования советской» – позже и российской –

«идентичности». «Чем выше уровень ненависти и ущемленной агрессивности», пишет Гудков, «тем выше доверие к президенту, армии и спецслужбам, тем уверенней и оптимистичней чувствует себя российское общество». В качестве примеров создания образа врага в России автор приводит чеченский терроризм и гибель АПЛ «Курск». (Гудков, www.)

Метафора «фронт» была очень важной в семантическом пространстве тоталитарной пропаганды СССР. Людям внушали, что они находятся в окружении врагов, и готовили к военным действиям. Общество как бы находилось всё время в условиях открытой и тайной войны. (Гудков, www) В отличие от Гудкова, автор «Чернобыльской молитвы» объясняет наличие темы войны в культуре не советской политикой и пропагандой, а историей:

«Все, что нам известно об ужасах и страхах, больше всего связано с войной. Сталинский ГУЛАГ и Освенцим недавние приобретения зла. История всегда была историей войн и полководцев, и война являлась, скажем так, мерой ужаса. Поэтому люди смешивают понятия войны и катастрофы...» (Алексиевич 2013: 33-34)

Советская военная культура отчётливо видна в рассказах «Чернобыльской молитвы». Стариков пугает не столько радиация, о которой рассказывают учёные, сколько присутствие в зоне военных с оружием. Первое впечатление от военной техники и начала эвакуации у некоторых деревенских жителей было таковым, что началась война: «Ну, думаю, началась война. С китайцами или американцами» (Алексиевич 2013: 54).

Милитаризованное общественное сознание советских людей хорошо раскрывается в «Чернобыльской молитве». Оно даже подвергается критике в рассказах книги. Некоторые рассказчики отмечают, что из-за военного воспитания ни люди, ни правительство не были готовы к техногенной катастрофе, которая произошла в Чернобыле.

«А у нас было военное воспитание. Военное мышление. Нас ориентировали на отражение и ликвидацию атомного нападения. Мы должны были противостоять химическим, биологическим и атомным войнам. А не выводить из организма радионуклиды... Подсчитывать... Следить за цезием и стронцием... С войной сравнивать нельзя, не точно, а все сравнивают». (Алексиевич 2013: 137)

По нашему мнению, милитаризованное мышление является в какой-то мере враждебным для природы и, разумеется, совершенно не способствует защите и сохранению окружающей среды. Люди с данным мышлением могут видеть только военные угрозы. Такие проблемы как, например, глобальное потепление или выбросы в природу ядовитых веществ (в том числе и радиоактивных) становятся маловажными или вообще не замечаются. Это видно на примере рассказов «Чернобыльской молитвы». Многие герои книги не понимают, какую опасность представляет природа, заражённая радиацией. Они считают, что выкопать картошку важнее, чем эвакуироваться: «Не поедим и точка! Войну пережили, а тут радиация». (Алексиевич 2013: 54.) С нашей точки зрения, причиной отрицания того, что радиация опасна, может являться, среди всего прочего, и «военное воспитание».

Особенно ликвидаторы заплатили своим здоровьем из-за того, что общество не было готово к экологической катастрофе. Среди людей, оказавшихся на работах по ликвидации последствий аварии, были ветераны афганской войны. Многих из них послали в Чернобыль почти сразу по возвращении из Афганистана. Некоторые ветераны получили право голоса в «Чернобыльской молитве»:

«Задумываться мы стали... Как бы не соврать... Наверное, года через три-четыре... Когда один заболел, второй... Кто-то умер... Сошел с ума... Покончил с собой... Тогда начали задумываться. А пойдем что-нибудь, я думаю, через двадцать-тридцать лет. У меня – Афган (я там был два года) и Чернобыль (я там был три месяца) – самые яркие моменты в жизни...» (Алексиевич 2013: 86)

В книге Алексиевич ветераны Афганистана совершенно не знали, что радиация вредит здоровью человека и загрязняет природу. Только через несколько лет после аварии люди начали понимать, что радиоактивное заражение является опасным. Тем не менее ветераны считают, что воздействие атома на организм человека ещё не до конца изучено. Для ветеранов Чернобыль стал таким же ярким событием в жизни как война. Безусловно, это связано с пережитыми ими смертями знакомых людей. Из-за чернобыльской катастрофы понятия войны и мира смешиваются:

«Из Афгана я вернулся, я знал – буду жить! А в Чернобыле все наоборот: убьёт именно тогда, когда ты уже дома». (Алексиевич 2013: 88)

На войне солдаты, безусловно, ждут возвращения домой и к мирной жизни. Вероятно, некоторые рассказчики сравнивают Чернобыль с войной потому, что из-за него их

война и страдания продолжаются. Ветераны теряют своих сослуживцев одного за другим как в боях, а также могут и сами умереть от лучевой болезни.

Может быть, многим рассказчикам сложно понять мир после Чернобыля потому, что они не могут найти конкретного врага, который был бы виноват в их страданиях и которого можно было бы победить. Во время Второй мировой войны такой враг был:

«Вот говорят – война... Военное поколение... Сравнивают... Военное поколение? Да оно же счастливое! У них была Победа. Они победили!» (Алексиевич 2013: 238)

По воспоминаниям ликвидаторов мы видим, что в первые недели после аварии на чернобыльской АЭС начался поиск врага:

«Сначала выдали оружие. Автоматы. На случай нападения американцев... На политзанятиях читали лекции о диверсиях западных спецслужб. Их подрывной работе. Вечером мы оставляли оружие в отдельной палатке. Посреди лагеря. Через месяц его увезли. Никаких диверсантов. Рентгены... Кюри...» (Алексиевич 2013: 87)

На фоне врагов, советские люди чувствовали свою принадлежность к советскому обществу. Во время чернобыльских событий найти врага было сложнее, чем ранее. Поэтому, вероятно, у очевидцев чернобыльских событий могли возникнуть проблемы с идентичностью.

Голос войны редко говорит о природе. Однако, и в нём есть немного места для рассказов на эту тему.

«Человек, скажу я вам, умирает, как животное. Я видел... Много раз... В Афганистане... Меня ранило в живот, лежу на солнце. Жара невыносимая. Пить!! "Ну, – думаю, – сдохну, как скотина". Скажу я вам, и кровь одинаково течет. Как и у них. И болит» (Алексиевич 2013: 117)

С помощью воспоминаний о своём военном прошлом человек находит сходства людей и животных. Рассказчик замечает, что звери тоже чувствуют боль и страдают.

Итак, рассказчики понимают постчернобыльский мир и своё место в нём с помощью прошлого. Кто-то может вспоминать свою военную историю и сравнивать её с Чернобылем. Кто-то находит причины неготовности общества к чернобыльской катастрофе в советском прошлом. Герои книги ищут ответы как бы в диалоге с историей. В «голосе войны» русская история и культура переполнена военными темами, поэтому в нём практически нет места для природы. Всё самое

катастрофическое может быть связано только с войной. Лишь редкий голос может переосмысливать отношения человека с природным миром с помощью воспоминаний о пережитых боях прошлого.

4.4.2. «Голос религии»

«Голос религии» связан, прежде всего, с христианством. Как и другие религии, христианство помогает людям осознавать мир и определять их отношение к нему, а также даёт нормы, по которым следует жить. В книге Алексиевич «голос религии» затрагивает темы неверия и отношения человека к животным. Данный голос объясняет чернобыльскую катастрофу с помощью библейских пророчеств. В нём авария на АЭС является неизбежным наказанием для людей за их грехи. Религиозные герои книги как бы намекают, что к катастрофе привела неправильная идеология, безбожие, по которой жило советское общество.

«Голос религии» часто связан с метафорой «апокалипсис». Некоторые герои книги говорят о сбывшихся, по их мнению, библейских пророчествах о конце света. Хорошим примером является рассказчик, цитирующий Откровение Иоанна Богослова из Библии. О нём мы писали ранее, когда разбирали метафору апокалипсиса. В «голосе религии» Чернобыль является наказанием человеку.

«Старушка в церкви молится: ”всё нам по грехам нашим”. Но ни учёный, ни инженер, ни военный в том не признаются. Они думают: ”мне не в чем каяться. Почему я должен каяться?” Так-то...» (Алексиевич 2013: 80)

Герои книги не говорят, за какие именно грехи Бог наказывает человека. Мы предполагаем, что рассказчики намекают на атеистическую советскую идеологию, по которой общество жило в течение долгого времени. Согласно Библии (евангелие от Иоанна 16:8-9), неверие является грехом. В советской идеологии важную роль играла наука (об этом мы писали ранее в главе 1). Вероятно, вера в советскую науку заменяла многим людям веру в Бога. На наш взгляд, в цитате не случайно упоминаются инженер и учёный. Они являются символами советского атеизма.

Анализируя текст, мы заметили, что у некоторых рассказчиков есть чувство греха. Оно возникает не только из-за атеизма, но и из-за действий человека по отношению к животным. Во время катастрофы люди спасали только себя. Оставленных в зоне животных отстреливали ликвидаторы. В книге Алексиевич рассказы о животных

похожи на молитву. Рассказчики чувствуют свою вину перед зверями за то, что не спасали их, а убивали. Человек, призванный главенствовать над миром, вызвал своими технологиями и действиями (неправильным обслуживанием реактора) катастрофу, от которой пострадали невинные животные. В своих «молитвах» рассказчики раскаиваются и как бы просят прощения. Это интересно, так как в христианстве человек является венцом творения, для которого был сотворён весь мир. Животные должны служить нуждам человека. В Библии Бог ставит людей на вершину иерархии и призывает их главенствовать над «птицами небесными, и над всякими животным, пресмыкающимся по земле» (Бытие 1:28). Выходит, что, с точки зрения религии, в Чернобыле люди не сделали ничего, за что должны были бы чувствовать вину перед зверями? Конечно, лишь на основе процитированных нами строк из Бытия нельзя делать однозначных выводов об отношении к животным в христианстве. То, как человек должен обращаться со зверями, является в Библии, по нашему мнению, довольно запутанной и противоречивой темой. Кроме идеи главенства человека над всей природой в Священном Писании также написано, что животное (как правило, скотина) не должно страдать из-за человека, которому следует, наоборот, ухаживать за ним (например, Исход 23: 4-5, Второзаконие 25: 4 и Левит 22: 27-28). Интересно, что русская православная церковь в начале XX века тоже учила христиан хорошему обращению с животными (Бибалаева 2010: 259-260). Таким образом, «голос религии» может винить советскую атеистическую идеологию и за то, что вопреки учениям Библии и РПЦ люди не позаботились о зверях во время катастрофы.

Из всего сказанного в настоящей главе можно сделать следующие выводы. «Голос религии» упрекает советское общество в неверии и в неправильном отношении человека к окружающей среде и, в частности, к животным. Данный голос как бы вступает в диалог с советской идеологией, которая пропагандировала идею атеизма и превозносила советскую науку, но при этом ставила, подобно христианству, человека на вершину иерархии. Герои «Чернобыльской молитвы» полагают, что неверие является в христианстве грехом и осуждают атеизм. Радиоактивное загрязнение является наказанием от Бога за то, что люди жили неправильно.

4.4.3. «Голос сострадания»

Рассказчики «Чернобыльской молитвы» испытывают сочувствие не только к людям, пострадавшим от чернобыльской аварии, но и к животным чернобыльской зоны. Нас интересует аспект сострадания человека именно к зверям. Размышляя о правах животных и о вине человека перед ними, рассказчики как бы ведут философский диалог с самими собой.

Как правило, в «Чернобыльской молитве» про животных рассказывается с состраданием. Жалость к страдающим животным испытывают многие, например, охотники-ликвидаторы. Им неприятно добивать раненого зверя и видеть его муки:

«-Убивать лучше издалека, чтоб не встретиться глазами.

- Ты учись метко стрелять, чтобы не добивать.» (Алексиевич 2013: 116)

В книге Алексиевич поднимается вопрос «почему люди спасали только себя», ведь в заражённой радиацией зоне были и домашние животные, и скотина, и множество диких зверей. Кинооператор пытается отвечать на примере искусства:

«...я не смогу ответить. Искусство наше только о страдании и любви человека, а не всего живого. Только человека! Мы не спускаемся к ним: к животным растениям... В другой мир» (Алексиевич 2013: 131)

На основании ответа кинооператора можно сделать вывод, что в культуре человека нет места для всей природы. Люди не ставят себя на место страдающего зверя и не распространяют свою этику на животный мир.

Однако, после чернобыльской катастрофы отношение к животным у многих участников событий поменялось. Как мы уже писали ранее, рассказчики жалели зверей, приписывали им человеческие чувства, испытывали чувство солидарности, говорили о том, как неприятно было добивать живое существо. Мы видим во многих рассказах намёк на то, что если животное может тоже чувствовать и страдать, то имеет право на спасение, как и человек. Вернёмся к воспоминаниям кинооператора:

Мне рассказали, что в первые месяцы после аварии, когда обсуждалась идея переселения людей, появился проект вместе с людьми переселить и животных. Но как? Как переселить всех? Может быть, как-то ещё можно перегнать тех, кто на земле, а тех, кто в земле – жучков, червячков? А тех, кто наверху? В небе? Как эвакуировать воробья или голубя? Как поступить с ними? У нас нет средств передать им нужную информацию. (Алексиевич 2013: 131)

Итак, одной из важных для нас тем, над которыми размышляют голоса книги, является вопрос о том, должны ли были люди помогать животным во время чернобыльского кризиса. «Голос сострадания» (к животному) вступает как бы в диалог с этикой, пытаюсь найти ответ на вопрос. Вероятно, людей мучает совесть, так как им жалко убитых или просто оставленных в зоне зверей. Поэтому рассказчики книги хотят понять, правильно ли человек поступил во время катастрофы по отношению к животным и можно ли было сделать что-то иначе.

4.4.4. «Голос эксперта»

Как правило, «голос эксперта» принадлежит людям с хорошим образованием, работникам скорее умственного, чем физического труда. В данном голосе видна начитанность и образованность. Поэтому он ищет причины чернобыльских проблем в русской культуре. Согласно этому голосу, неправильная жизнь на загрязнённой земле связана с русской ментальностью.

«Голос эксперта» склонен винить культуру в чернобыльской проблеме. Он связывает с русской ментальностью нежелание по научным требованиям очищать загрязнённую землю и правильно жить на ней. В качестве примера можно привести рассказ доктора сельскохозяйственных наук. Она считает, что русский менталитет мешает продвижению научных идей. По мнению доктора, люди лишь хотят жить как раньше:

«Я приезжаю в деревню к бабушкам и дедушкам... Зачитываю... А они топают на меня ногами. Слушать отказываются, они хотят жить так, как жили их деды и прадеды». (Алексиевич 2013: 167)

Руководители не будут перестраивать производство в загрязнённой зоне. Причина этого заключается в том, что люди не хотят учиться новому:

«...большинство руководителей ничего не хотело знать, никакой физики и математики» (Алексиевич 2013: 166)

Жители зоны даже не собираются ничего менять в своём питании и приготовлении пищи, несмотря на то, что многие продукты заражены:

«Грамотный и дисциплинированный, как раз те два качества, которые ценятся у нас меньше всего. Нам бы голой грудью на пулемёт лечь. С факелом промчаться... А тут... Вымачивать грибы, сливать первую воду, когда картошка закипит...Пить регулярно витамины... Носить в лабораторию на проверку ягоды. Закапывать в землю золу. Я была в Германии и видела, как

там каждый немец внимательно сортирует на улице мусор – в этот контейнер белое стекло от бутылок, сюда красное... Крышку из-под пакета от молока отдельно – туда, где пластмасса, сам пакет туда, где бумага. Батарейки от фотоаппарата ещё куда-то. Отдельно биоотходы... Человек работает... Не представляю нашего человека за такой работой: белое стекло, красное – для него это было бы скукой и унижением. Мать-перемать. Ему бы сибирские реки повернуть в обратном направлении... Что-нибудь такое... Размахнись плечо, разойдись рука...» (Алексиевич 2013: 168)

Человек с русской ментальностью не хочет переучиваться и начинать с малого, потому что это для него унижительно. Как повлиять на такой менталитет? Доктор считает, что отвечать на такой вопрос не в её компетентности:

«А чтобы выжить, нам надо измениться. Но это уже не мои вопросы... Ваши... Это вопросы культуры. Ментальности. Всей нашей жизни» (Алексиевич 2013: 168)

Мы понимаем её слова следующим образом. Естественные науки не в силах изменить ментальность народа. Почему люди не хотят «правильно» жить на заражённой земле и как это изменить – это вопросы для гуманитарных наук.

«Голос эксперта» может не только критиковать культуру, но и видеть в ней позитивные изменения:

«В наших представлениях картина мира выглядела следующим образом: военный атом – зловещий гриб до неба, как в Хиросиме и Нагасаки, люди, в одну секунду ставшие пеплом, а мирный атом – безобидная электрическая лампочка. У нас была детская картина мира. Жили по букварю. Не одни мы, а все человечество стало умнее после Чернобыля... Повзрослело. Вступило в другой возраст». (Алексиевич 2013: 150)

Данный голос принадлежит человеку с философским образованием. После катастрофы люди видятся ему более умными, чем учёному. У советского человека было упрощённое представление о мире, но, получив знания, он поумнел, стал осмотрительнее и рациональнее. В этом «голосе эксперта» не совсем ясно, что является причиной «детской картины мира» людей – советская идеология или русская культура. Вероятно, и то, и другое, ведь советская идеология, по которой жили советские люди, оставила след в их культуре. В отличие от доктора, философ не делает радикального деления на рациональных и правильных иностранцев и стихийных русских. В его рассказе культуры, наоборот, сближаются после Чернобыля. В них появляется общая черта: знание об опасности атомной энергии и более рациональное представление о мире.

Итак, мы заметили, что «голос эксперта» как бы ведёт диалог с культурой, часто критикуя её. Данный голос может видеть русскую ментальность причиной того, что люди не хотят правильно жить в загрязнённой зоне. «Эксперт» связывает с русской ментальностью даже антиэкологичные проекты СССР. В качестве примера приводится идея поворота сибирских рек. «Голос эксперта» также интересуется, как чернобыльская катастрофа повлияла на представление людей о мире: что изменила в нём. В своих рассказах «эксперты» могут противопоставлять стихийных русских с рациональными иностранцами или наоборот видеть что-то общее в людях постчернобыльского мира.

4.4.5. «Голос автора»

В главе 2.3 мы отмечали, что в полифоническом романе голос автора может сливаться с голосами тех или иных героев. В «Чернобыльской молитве» слияние голосов происходит с помощью выбора и повторения автором некоторых голосов, которым даётся много места в книге, чтобы высказаться. Расположение голосов в произведении тоже очень важно. С помощью структуры книги Алексиевич высказывает своё толкование последствий Чернобыльской аварии.

Автор выбирала для книги те голоса, которые ей интересны. В начале книги Алексиевич как будто высказывает своё мнение, но по прочтении следующих глав мы замечаем, что мнение уже было высказано информантами. В качестве примера можно привести следующие высказывания автора книги.

«Всю жизнь мы воевали или готовились к войне, столько о ней знаем – и вдруг! Образ врага изменился. У нас появился другой враг. ... Поражало бесчисленное количество военной техники. Маршировали солдаты с новенькими автоматами. С полной боевой выкладкой. Мне больше всего почему-то запомнились не вертолеты и бронетранспортеры, а эти автоматы... Оружие... Человек с ружьем в зоне... В кого он мог там стрелять и от кого защититься? От физики... От невидимых частиц... Расстрелять зараженную землю или дерево?» (Алексиевич 2013: 34-35)

«На чернобыльской земле жалко человека. Но еще больше жалко зверя» (Алексиевич 2013: 37)

Мы думаем, что Алексиевич даёт право высказаться разным голосам книги уже в начале романа, в своём «голосе». В «голосе автора» голоса рассказчиков как бы сливаются в одно целое. Высказывания про жалость к животным и про то, что

общество было не готово к техногенной аварии из-за подготовки к войне встречаются на протяжении всей книги.

И автор, и рассказчики замечают в чернобыльской зоне одинаковые вещи. Как и её информанты, Алексиевич замечает во время своих поездок в зону, что животные умеют чувствовать радиоактивное загрязнение, а человек – не умеет.

«К вечеру наблюдала, как пастухи хотели загнать в реку усталое стадо, но коровы подходили к воде и тут же заворачивали назад. Как-то они угадывали об опасности. ... Человека застигли врасплох, он был не готов. Не готов, как биовид, не срабатывал весь его природный инструмент, который настроен, чтобы увидеть, послушать, потрогать.» (Алексиевич 2013: 34)

Мотивом Алексиевич для написания книги было желание понять то, что нового человек узнал в Чернобыле, что открыл там в самом себе. Вероятно, понимание Чернобыля очевидцами является и пониманием Алексиевич. В их рассказах писательница искала ответы почти двадцать лет.

«Я долго писала эту книгу... Почти двадцать лет... Встречалась и разговаривала с бывшими работниками станции, учеными, медиками, солдатами, переселенцами, самоселами... С теми, у кого Чернобыль – основное содержание их мира, все внутри и вокруг отравлено им, а не только земля и вода. Они рассказывали, искали ответы.» (Алексиевич 2013: 33)

Линдблад считает, что и монологи, и хоры собраны по характерным особенностям, которые связаны со временем. «Земля мёртвых» и «солдатский хор» являются репрезентацией прошлого. Старики из «Земли мёртвых» отказались от эвакуации и как бы остались жить в прошлом. Солдаты-ликвидаторы умерли от рака. Их смерть совпала с распадом Советского Союза и крушением советской «культуры войны» (тут мы хотим напомнить приведённое выше замечание Алексиевич, что от радиации нельзя защититься оружием). «Венец творения» и «народный хор» являются настоящим. «Восхищение печалью» и «детский хор» – это будущее. Рассказчики из главы «Восхищение печалью» рассуждают о том, что будет в будущем. Дети из «Детского хора» являются символом будущего. (Lindbladh 2008: 51)

Итак, какая у Алексиевич связь с голосами книги? Она хочет понять с их помощью событие «Чернобыль». Вероятно, «голос автора» можно считать неким резюме тех голосов, которые заинтересовали Алексиевич. С помощью голосов автор книги хотела показать, как Чернобыль изменил мир. Главы «Чернобыльской молитвы» символизируют время. Многие голоса из глав прошлого являются голосами

ликвидаторов, которые уже умерли от полученной в зоне радиации. Вероятно, собрав такие голоса в определённых главах, автор хотела сказать, что чернобыльская авария разрушила советскую «культуру войны». Может ли это означать, что в культуре теперь больше места для природы, для обсуждений о её защите и связи человека с ней?

5. Заключение

В этом исследовании мы хотели рассмотреть, как природа и связь человека с ней репрезентируются в книге «Чернобыльская молитва: хроника будущего». В первой главе мы рассказали о ходе работы и контексте чернобыльской аварии, чтобы лучше понять высказывания героев книги, пострадавших от данной катастрофы.

Во второй главе мы представили материал нашего исследования. Сначала мы кратко осветили жизнь и творчество Светланы Алексиевич и её книгу «Чернобыльская молитва: хроника будущего», которую потом проанализировали в аналитической части нашей работы. Мы пришли к выводу, что основанная на интервью «Чернобыльская молитва» относится к жанрам художественно-документальной прозы и полифонического романа. В литературе полифония означает, что голос автора и голоса героев не имеют никаких преимуществ перед друг другом, а являются самостоятельными философскими построениями. Поэтому мы уделили потом в аналитической части особое внимание анализу голосов «Чернобыльской молитвы».

В третьей главе мы представили теоретическую основу работы. Для рассмотрения вопроса нашего исследования был выбран экокритический подход, поэтому мы объяснили понятия «экокритика» и «чувство природы». Мы узнали, что экокритика соединяет разные критические подходы и понятия, с помощью которых можно узнать, какова связь человека и природы в тексте. Способы бытия людей и их отношение к природному окружению определяются культурой. С помощью экокритического подхода можно обнаружить способы описания природы в разных формах культуры (особенно в литературе). Выявив с помощью экокритических методов то, как природа репрезентируется в тексте, литературоведение можно соединить с проблемами охраны природы. Что касается понятия «чувство природы», то оно связано с русской натурфилософией, особенно с пониманием человека природы и своего места в ней. Среди всего прочего русские теоретики натурфилософии размышляют о влиянии природы на психическое и эмоциональное состояние человека. Позже, в анализе мы обнаружили такую связь людей и окружающего их мира.

В аналитической части был проведён анализ в основном с использованием экокритической теории. Мы представили так называемые «крупные метафоры»,

предложенные литературоведом-экокритиком Греггом Гаррардом. В нашей работе мы использовали метафоры «апокалипсис», «загрязнение», «животные», «жизнь на лоне природы» и «пастораль». С помощью них мы проанализировали книгу в разделе 4.2. Далее мы рассмотрели разные голоса «Чернобыльской молитвы», создав свою классификацию голосов по тематическим признакам. В разделе 4.4. мы рассмотрели «голос войны», «голос сострадания», «голос религии», «голос эксперта» и «голос автора».

Мы хотели узнать, как в «Чернобыльской молитве» рассказывается о катастрофе и природе. О загрязнившей огромные территории Украины и Беларуси аварии в книге Алексиевич весьма часто рассказывается с помощью сравнений с военным временем. Прежде всего, это связано с тем, что самые страшные воспоминания старых людей связаны с войной и с тем, что страна всё время готовилась к войне. Эвакуация из заражённой зоны напоминает начало войны. В воспоминаниях, в которых присутствует тема войны, почти нет места для природы.

О катастрофе также рассказывают и как о конце света. Мы думаем, что вследствие своего религиозного мировоззрения некоторые рассказчики не верят, что человек может повлиять на предотвращение техногенных катастроф, подобных Чернобылю. По их мнению, эти катастрофы являются наказанием. Люди согрешили и теперь не в силах избежать божьей кары. По нашему предположению, грехом, за который Бог наказал, был советский атеизм. Мы также предполагаем, что критика того, как люди поступили с животными в зоне, связана с учениями христианства.

Интересно было заметить, что многие герои «Чернобыльской молитвы» не разделяют людей и природу в своих рассказах. Старые люди из деревень обнаруживают своё единство с природой. Они по-особому видят своё место в мире, живя в гармонии с природой. Рассматривая метафору «жизнь на лоне природы», мы заметили в их рассуждениях элементы анимистического мышления, согласно которому, они – в отличие от образованных горожан – не разделяют природу и общество. Рассказывая о животных, герои книги искали не различия, а наоборот, отождествляли себя со зверями.

Анализ книги показал чувствительно-эмоциональную связь человека с природой. У одних героев книги она была ещё до аварии на атомной электростанции, у других появилась в чернобыльской зоне, когда катастрофа уже случилась. Рассматривая,

например, метафору «пастораль», мы заметили, что красивые пейзажи и спокойная сельская жизнь рядом с природой вызывала у некоторых рассказчиков приятные эмоции. Когда природа принимала неестественный вид из-за радиоактивного загрязнения, у людей возникали совсем иные чувства: страх и тревога. В рассказах о животных ликвидаторы говорили, что психически было очень тяжело убивать зверей в зоне. Обнаружение такой чувствительно-эмоциональной связи человека с природой приводит нас к выводу о важности защиты природы. Ведь психическое благополучие людей сильно зависит от состояния окружающей их среды.

Список источников

Первичный источник

Алексиевич, С.А. 2013. *Чернобыльская молитва*. Москва: Время.

Вторичные источники

Агапкина, Т.А., Топорков, А.Л. 1988 Материалы по славянскому язычеству. *Литература древней Руси*. Отв. ред. Лихачёв, Д.С. Ленинград: Издательство «Наука» 224-235.

Бахтин, М.М. 1972. *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва: Художественная литература.

Бахтин, М.М. 1986. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство.

Гурленова, Л.В. 1999. *Чувство природы в русской прозе 1920-1930-х гг.*

Гурленова, Л.В. 2001. Изучение темы природы в русской литературе. *Природа и человек в художественной литературе*. Отв. ред. Смирнова, А.И. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета. 14-23.

Залыгин, С. 1980. Литература и природа. *Литературная критика* 171-177.

Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. 2000. *Толковый словарь русского языка*. Москва.

Смирнова, А.И. 2001. Актуальные проблемы изучения современной натурфилософской прозы. *Природа и человек в художественной литературе*. Отв. ред. Смирнова, А.И. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета. 5-13.

Яковенко, В. 1990. Бомба для потомков. *В судьбе природы – наша судьба*. Сост. Иванова, Г. Москва: Художественная литература. 449-461.

Anttonen, Veikko 2002. Uskonto eläimiä koskevan tiedon organisoijana. *Eläin ihmisen mielenmaisemassa*. Toim. Elomäki, Henni ja Lauhagangas, Outi. Hakapaino Oy: Helsinki. 63-83.

Bakhtin, Mikhail 1987. *The dialogic imagination*. Austin: University of Texas press.

Garrard, Greg 2007. *Ecocriticism*. New-York: Routledge.

- Glotfelty, Cheryll 1996. Introduction. *The Ecocriticism Reader*. Ed. Cheryll Glotfelty and Harold Fromm. The University of Georgia Press: Athens, Georgia, xv-xxxvii.
- Josephson, Paul, Dronin, Nicolai, Mnatsakanian, Ruben, Cherp, Aleh, Efremenko, Dmitry, Larin, Vladislav 2013. *An environmental history of Russia*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Lahtinen, Toni, Lehtimäki, Markku 2008. Johdatus ekokriittiseen tutkimukseen. *Äänekäs kevät*. Toim. Toni Lahtinen ja Markku Lehtimäki. Suomalaisen kirjallisuuden seura: Helsinki, 7–28.
- Liiski, Liisa 2009. Kolme kertomusta valkovenäläisestä nykykirjallisuudesta. *Tuntematon Valko-Venäjä*. Toim. Luukkanen, Arto. Edita: Helsinki. 316-346.
- Lindbladh, Johanna 2008. The Problem of Narration and Reconciliation in Svetlana Aleksievich's Testimony Voices from Chernobyl. *The Poetics of Memory in Post-Totalitarian Narration*. Lund University: Lund. 41-55
- Marland, Pippa 2013. Ecocriticism. *Literature Compass* 10/11 (2013). 846-868.
- McDowell, Michael J. 1996. The Bakhtian Road to Ecological Insight. *The Ecocriticism Reader*. Ed. Cheryll Glotfelty & Harold Fromm. The University of Georgia Press. 371-391.
- Paalanen, Rauni 2011. Kolme naisnäkökulmaa kosmiseen katastrofiin. *Äiti ja aate*. Toim. Paalanen, Rauni. Ntamo: Helsinki. 132-146.
- White, Lynn Jr 1996. The Historical Roots of Our Ecologic Crisis. *The Ecocriticism Reader*. Ed. Cheryll Glotfelty and Harold Fromm. The University of Georgia Press: Athens, Georgia, 3–14.
- Ylimaunu, Juha 2002. Elinkeinot ihmisen eläimen suhteen muokkaajana. *Eläin ihmisen mielenmaisemassa*. Toim. Elomäki, Henni ja Lauhagangas, Outi. Hakapaino Oy: Helsinki. 115-134.

Материалы, опубликованные в интернете

- Белокурова, С.П. 2005. *Словарь литературоведческих терминов*. <http://literary_criticism.academic.ru/268/%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%8F> [Просмотрен 23.05.2016]

- Бибалаева, Л.Н. 2010. К вопросу об отношении человека к животным в мировых религиях. *Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана*. No 202, 2010 г. с. 258-262. <<http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otnoshenii-cheloveka-k-zhivotnym-v-mirovyh-religiyah-buddizme-hristianstve-islame>> [Просмотрен 23.05.2016]
- Всемирная организация здравоохранения 2006. *Наследие Чернобыля: медицинские, экологические и социально-экономические последствия*. с. 26 <http://www.who.int/ionizing_radiation/chernobyl/chernobyl_digest_report_RUS.pdf> [Просмотрен 23.05.2016]
- Гречишкина, С.В. 2014. К вопросу исследования современной литературе о природе: аспекты изучения эколитературы. *Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение*. No 387, 2014 г. с. 8-14 <http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1090&article_id=15256> [Просмотрен 23.05.2016]
- Гудков, Л.Д. 2004. *Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов*. Москва: Новое литературное обозрение. <<http://psyfactor.org/lib/gudkov1.htm>> [Просмотрен 23.05.2016]
- Гуревич, Э. 2001. «Чернобыльская молитва» на перепутье времени <<http://www.vestnik.com/issues/2001/0327/win/gurevich.htm>> [Просмотрен 23.05.2016]
- Ефремова, Т. Ф. 2000. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: Русский язык. <<http://www.efremova.info/>> [Просмотрен 23.05.2016]
- Жиров, В.К. 2008. Человек и биологическое разнообразие: православный взгляд на проблему взаимоотношений. *Вестник МГТУ, том 11, №4, 2008 г.*, с. 609-626. <<http://vestnik.mstu.edu.ru/>>. [Просмотрен 23.05.2016]
- Журнал Огонёк <<http://www.ogoniok.com/4942/27/>> [Просмотрен 23.05.2016]
- Информационный сайт alexievich.info <<http://www.alexievich.info/>> [Просмотрен 23.05.2016]
- Информационный сайт Litra.ru <<http://www.litra.ru/biography/get/wrid/00034301184773068336/>> [Просмотрен 23.05.2016]
- Информационный сайт Pagan.ru <<http://pagan.ru/slowar/a/aist1.php>><<http://pagan.ru/slowar/z/zerno8.php>> [Просмотрен 23.05.2016]
- Комсомольская правда <<http://www.kp.by/daily/26443.4/3313795/>> [Просмотрен 23.05.2016]

Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. — М.: Росмэн. Под редакцией проф. Горкина А.П. 2006 <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/4979> [Просмотрен 23.05.2016]

Литературная энциклопедия. — В 11 т.; М.: издательство Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература. Под редакцией В. М. Фриче, А. В. Луначарского. 1929—1939. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3053/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%B0%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%B0> [Просмотрен 23.05.2016]

Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8696/%D0%9C%D0%9E%D0%9B%D0%98%D0%A2%D0%92%D0%90> [Просмотрен 23.05.2016]

Российская Газета <<http://www.rg.ru/2013/09/11/aleksievich.html>> [Просмотрен 23.05.2016]

Сону, С. 2013. Чернобыльская молитва: хроника будущего С. Алексиевич. Проблема жанра. *Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение.* No 2, 2013 г. <<http://cyberleninka.ru/article/n/chernobylskaya-molitva-hronika-buduschego-s-aleksievich-problema-zhanra>> [Просмотрен 23.05.2016]

Штильмарк, Ф.Р. 1999. Эволюция представлений об охране природы в советской литературе. *Гуманитарный экологический журнал.* <http://oopt.info/_publications/shtilmark_evolution.html> [Просмотрен 23.05.2016]

Щербак, Ю.Н. 1987. *Чернобыль.* <<http://www.x-libri.ru/elib/sherb000/index.htm>> [Просмотрен 23.05.2016]

Эпштейн, М.Н. 1990. *"Природа, мир, тайник вселенной..." Система пейзажных образов в русской поэзии.* Москва: Высшая Школа <<http://www.nvkz.kuzbass.net/dworecki/other/e/enter.htm>> [Просмотрен 23.05.2016]